

ХРОНИКИ
РАВНОВЕСИЯ
ПРАХ БЕССМЕРТИЯ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

ТОМ 4

18+

Александр Ершов

**Хроники Равновесия.
«Прах Бессмертия». Том 4**

«Автор»

2026

Ершов А.

Хроники Равновесия. «Прах Бессмертия». Том 4 / А. Ершов — «Автор», 2026

После событий третьего тома Лут и Стражи оказываются на планете, где сам воздух опасен, а города вынуждены постоянно двигаться, спасаясь от химер. В телах чудовищ продолжают жить поглощённые ими люди. Уничтожить химеру — значит погубить и тех, кто ещё может ждать спасения. Пока Стражи знакомятся с жителями Лугового, Атлантида и Миноре, Лут ищет способ отделить людей от общей плоти. Но химеры растут, города сближаются, а каждый опыт оставляет всё меньше времени на следующий. «Прах Бессмертия» — четвёртый том «Хроник Равновесия», история о цене спасения и силе, которая не даёт права на ошибку.

Содержание

Хроники Равновесия - «Прах Бессмертия» Том 4	5
«Без права умереть»	5
«Последний оплот»	17
«Предел прежнего»	34
Некоторое время назад	50
«Пока есть путь»	55
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Александр Ершов

Хроники Равновесия.

«Прах Бессмертия». Том 4

Хроники Равновесия - «Прах Бессмертия» Том 4

«Без права умереть»

Лут едва удержался на ногах. После исправления планеты тело слушалось с заметной задержкой, силы внутри почти иссякли, а любое движение требовало непривычного внимания. Красный камень под ногами уходил к краям вершины и исчезал в густом зелёном тумане. Над головой горели три незнакомые звезды, но ни чужое небо, ни неизвестный мир не давали ответа на единственный вопрос: что именно произошло?

— Верни меня обратно!

Мита стояла в нескольких шагах и плакала, не вытирая слёз. Свет вокруг неё вспыхивал рывками, проходил по рукам и крыльям быстрее, чем девушка успевала его контролировать. Голос почти сорвался на крик.

— Мита...

— Не называй меня так! Ты видел её! Видел, как она тянулась ко мне!

Эйнар шагнул ближе, но Мита резко повернулась. Свет ударил в красный камень перед ним, выбив из поверхности раскалённые осколки.

— Даже не начинай! Не говори мне успокоиться!

Эйнар остановился и посмотрел на Лута. Обычно он нашёл бы ответ даже в худшей ситуации, однако сейчас говорить было нечего. Антар стоял чуть дальше и молча осматривал вершину, туман и чужое небо. Оба выглядели почти такими же потерянными, как Мита, только держали это внутри. Они слишком привыкли к тому, что рядом есть Лут, который хотя бы приблизительно понимает происходящее. Сейчас не понимал никто.

— Верни меня, — повторила Мита.

Лут посмотрел туда, где ещё несколько мгновений назад было небо другого мира. Ни разлома, ни золотого Ока, ни следа переноса не осталось.

— Я не знаю как.

Мита замерла. Растерянность на мгновение пробилась сквозь ярость и почти сразу исчезла.

— Что значит «не знаешь»?

— Именно это.

— Оно пришло за тобой! Оно смотрело на тебя! Из-за тебя мама осталась там!

— Я знаю.

— Нет! Ты ничего не знаешь! Ты всегда что-то решаешь, куда-то идёшь, кого-то тащишь за собой, а теперь просто стоишь и говоришь, что не знаешь?!

Лут не успел ответить. Сквозь собственное истощение он наконец различил ещё одну странность этого мира: в воздухе находилась примесь, непрерывно взаимодействовавшая с живой плотью и повреждавшая её. Его оболочка почти не реагировала, но остальные были куда уязвимее. Он перевёл взгляд на зелёный туман.

— Старайтесь меньше дышать.

— Ещё что? — Эйнар нахмурился.

— Воздух ядовит.

Антар сразу сосредоточился на собственном состоянии. Через несколько секунд выражение его лица изменилось.

— Чувствую.

Эйнар проверил себя следом и кивнул:

— Слабое воздействие.

— Пока, — ответил Лут.

Мита коротко, зло рассмеялась.

— Конечно. Почему бы воздуху ещё и не быть ядовитым?

Лут поднял руку и вызвал Тень. Она отозвалась, но вместо привычного мгновенного движения лишь дрогнула под ногами. Несколько секунд Тень тянулась по камню, прежде чем подняться к его пальцам. Тьма пришла быстрее, хотя тоже запоздала; Свет оказался таким же вязким. Силы не исчезли и не перестали подчиняться, но между намерением и действием появился промежуток, которого в бою хватило бы врагу.

Эйнар заметил задержку.

— Это мир?

— Не похоже.

Антар опустил ладонь. Его Тень поднялась без промедления, обвила руку и сразу исчезла. Эйнар проверил Тьму; та мгновенно собралась вокруг кистей.

— У нас нормально.

Лут снова вызвал Свет и дождался, пока сияние соберётся вокруг руки.

— Значит, я ещё не восстановился.

— Ты несколько минут назад исправил целую планету, — напомнил Эйнар. — Даже для тебя это может оказаться утомительно.

Лут сделал шаг и слегка качнулся.

— Не начинай.

— Я не шучу.

— Это хуже.

Мита смотрела на них так, будто разговор о силах был ещё одним оскорблением.

— А у меня?

Лут повернул голову.

— Что?

— Вы проверили себя. А у меня?

Свет снова вспыхнул вокруг неё.

— Мита, сейчас не лучший момент...

— Для чего?!

— Для бесконтрольного выброса силы.

— А когда будет лучший?!

Она вскинула руку прежде, чем кто-либо успел приблизиться. Свет ударил не в Лута и не в Стражей: Мита просто выплеснула его наружу, вложив во вспышку всё, чему не находилось другого выхода. Воздух над вершиной содрогнулся. Белая волна сорвалась по склонам, врезалась в зелёный туман и выдавила его с горы. Пелена поднялась огромными пластами, закрутилась вокруг каменных уступов, разорвалась на потоки и ушла вниз, открывая километры пространства.

Обратный поток воздуха ударил по вершине. Лут рефлекторно раскрыл три пары крыльев, чтобы удержать равновесие. Эйнар тоже раскрыл крылья, но сразу вынужден был исправлять положение: дополнительная пара давала слишком много силы для движения, которое он ещё не научился чувствовать естественно. Антар расправил теньевые крылья скорее как опору,

чем для полёта. Мита раскрыла свои вместе со вспышкой и сама едва устояла на ногах. Летать она пока не умела вовсе.

Сияние погасло, однако ярость Миты никуда не исчезла. Она тяжело дышала, лицо осталось мокрым от слёз, пальцы дрожали.

— Работают, — выдавила она.

Эйнар сложил крылья.

— Это было заметно.

— Заткнись.

— Уже.

Антар не вмешался. Он смотрел вдаль.

— Там город.

Без тумана мир оказался значительно больше, чем казался с вершины. Красные и почти чёрные горы поднимались из зелёного моря на многие километры друг от друга. Между ними лежали долины и огромные участки равнины, всё ещё скрытые ядовитой пеленой. Далеко впереди возвышался пик, который поначалу можно было принять за отдельный горный массив. Потом сквозь дымку проступила геометрия.

Гора была превращена в крепость. Несколько поясов укреплений врезались в склон на разных высотах и соединялись с естественной породой так глубоко, что отделить одно от другого было почти невозможно. Огромные стены поднимались уступами, из массива выступали десятки башен, между ними тянулись мосты, платформы и переходы. На нижних уровнях темнели тяжёлые орудия, выше Лут ощущал многочисленные скопления энергии. Верхняя часть горы почти полностью исчезала под постройками, словно целый город вгрызся в камень и решил больше никогда его не покидать.

Мита всматривалась в окна и переходы среди каменных поясов, пытаясь заметить движение.

— Значит, здесь кто-то живёт.

— Пока да, — сказал Антар.

Лут уже видел причину оговорки. Крепость сражалась.

Масштаб противника удалось осознать не сразу. У подножия горы будто двигался ещё один скальный массив, пока он не изменил форму. Существо было сопоставимо с крепостью. Огромная масса плоти медленно давила на нижние укрепления, опираясь на конечности толщиной с башни. Ни одна не походила на другую: одну покрывали костяные пластины, другая состояла из множества сросшихся тел, третья переходила в тяжёлую металлическую конструкцию, почти поглощённую плотью.

По поверхности чудовища двигались сотни отдельных частей. Руки, лапы, головы, крылья, обломки механизмов и целые тела торчали из общей массы под неправильными углами. Одни были погружены в неё почти полностью — снаружи оставалось только лицо или конечность. Другие продолжали двигаться сами, хотя давно стали частью существа.

Тяжёлые орудия крепости ударили почти одновременно. Через долину прошли снаряды, следом на чудовище обрушились потоки энергии. Плоть разорвало в нескольких местах, одну из опор перебило, значительная часть верхней массы исчезла во вспышке. Тварь качнулась, но уже через мгновение ответила.

Лут почувствовал, как энергия собирается в человеческой фигуре, вросшей в бок существа. Из её тела вырвался поток огня и ударил по защите крепости. Почти сразу силы начали накапливаться и в других участках общей массы. За огнём последовали молния, плотный поток воды и вырванный из земли камень, брошенный в стену.

— Оно использует силы тех, кто внутри, — сказал Антар.

Лут уже смотрел на другую часть тела. Вросшая в плоть металлическая конструкция медленно повернулась к крепости. Она всё ещё напоминала тяжёлое орудие, хотя мясо проросло

между деталями и местами полностью заменило опоры. Раздался выстрел; снаряд ударил в укрепления. Следующее орудие выплюнуло не металл, а тяжёлый ком плоти. Он расплескался по наружной стене и продолжил двигаться.

Мита побледнела.

— Что это за мерзость?..

Никто не ответил. Крепость дала новый залп, и несколько попаданий разорвали бок твари. Огромный участок плоти оторвался и рухнул на равнину отдельно от основного тела. Даже с такого расстояния Лут видел, что оторванная часть, размером с небольшой дом, продолжает двигаться. Человеческая рука судорожно заскребла землю, несколько голов открыли рты, одна из них повернулась к крепости. Внутри куска плоти Лут ощущал несколько отдельных источников жизни.

Эйнар тоже заметил движение.

— Они живы.

— Даже отдельно от него, — добавил Антар, присмотревшись.

Основная масса чудовища снова пришла в движение. Рана не затягивалась, утраченная конечность не восстанавливалась, из разорванной плоти вытекала тёмная жидкость. Существо теряло части тела, но продолжало ползти к стенам. Новый залп крепости почти разорвал его верхнюю часть пополам. Несколько крупных фрагментов рухнули вниз; через несколько секунд то, что осталось, снова подтянулось вперёд.

Антар резко повернул голову.

— Лут.

— Вижу.

— Не туда.

Лут проследил за его взглядом. У подножия их собственной горы двигался туман. Из зелёной пелены медленно вышла огромная масса — ещё одно существо. Оно уступало тому, что штурмовало крепость, но слово «меньше» здесь мало что значило. Основное тело было размером с крупный замок, а наиболее высокие части поднимались ещё выше. Массивные опоры состояли из сросшихся тел зверей и разумных существ, местами укреплённых металлом. Между складками плоти торчали части оружия и машин. Из бока выступала тяжёлая пушка, почти полностью поглощённая телом; выше виднелись десятки фигур, вросших по пояс, плечи или шею.

Одна голова повернулась к вершине, затем другая. Вслед за ними изменилось направление всего тела. Мита сделала шаг назад.

— Оно увидело вспышку?

— Не знаю, — ответил Антар, всматриваясь вниз.

Лут не чувствовал ни попытки поиска, ни направленного воздействия. Однако существо уже двигалось точно к ним, без колебаний, будто всегда знало, где они находятся. Первая огромная конечность легла на склон, и камень треснул под её весом. Следующая вонзилась выше, вырывая кусок красной породы; тело подтянулось следом. Тварь поднималась медленно, но не останавливалась. После того, сколько ударов выдержало существо у крепости, её медлительность уже никого не успокаивала.

Эйнар раскрыл две пары крыльев.

— Можно уйти по воздуху.

— Ты сам нормально долетишь? — спросил Антар.

— Долечу.

— Я в лучшем случае не разобьюсь сразу.

Эйнар перевёл взгляд на Миту, но она даже не ответила. Лут попытался вызвать пространство. Сила отозвалась с мучительной задержкой, собралась вокруг руки и рассыпалась прежде, чем переход успел стабилизироваться.

— Не получится.

Эйнар сложил крылья.

— Значит, остаёмся.

— Убедительный план, — сухо заметил Антар.

Внизу существо продолжало подъём. Лут первым почувствовал, как энергия начала быстро скапливаться сразу в нескольких частях его тела.

— В стороны.

Они разошлись одновременно. С одного участка чудовища ударил огонь, почти сразу за ним пришла молния. Камень на вершине взорвался осколками. Антар ушёл в Тень, Эйнар отбил часть атаки Тьмой, а Мита выставила перед собой Свет. Удар протащил её назад; крылья раскрылись рефлекторно, но она не умела ими пользоваться и только сильнее потеряла равновесие.

Лут попытался перехватить остаток атаки Тенью. Она пришла поздно. Для остальных его движение всё ещё выглядело быстрым; сам же он чувствовал каждое потерянное мгновение. Тень ударила по потоку и отбросила его в сторону, когда тот уже прошёл большую часть расстояния.

Существо продолжало подниматься. На его теле вновь собиралась энергия, несколько вросших фигур одновременно повернулись к вершине, а пушка в боку медленно сменила направление. Мита всё ещё плакала, но у её ярости появилась ещё одна цель. Она смотрела на чужие руки и тела, которыми чудовище готовилось атаковать, и так сильно сжимала кулаки, что побелели пальцы.

— Я хочу домой.

Лут не отвёл взгляда от поднимающейся твари.

— Я тоже.

Пушка выстрелила. Лут увидел снаряд раньше, чем тело подчинилось ему. Тень расплзлась перед группой слишком медленно, и Эйнар ударил Тьмой первым. Две силы столкнулись со снарядом почти одновременно. Металл разорвало в воздухе, но следом полетели куски плоти, выброшенные тем же выстрелом. Антар ушёл в сторону через Тень, Мита закрылась Светом, а Лут отбросил остатки в склон.

Потеря нескольких частей не остановила существо. Огромные конечности одна за другой вонзались в красный камень, подтягивая тело всё выше. Из его поверхности поднимались новые всплески энергии; где-то глубже внутри поворачивались к вершине металлические конструкции.

— Разойдитесь! — крикнул Эйнар.

На этот раз команду выполнили без споров. Молния ударила туда, где только что стоял Антар. Свет Миты встретил поток огня и разорвал его, но следующая атака пришла сбоку. Эйнар перехватил её Тьмой, отбросил вниз и сорвался с места, используя обе пары крыльев.

Первый рывок вышел слишком сильным: Эйнара подбросило вверх, тело перекошилось. Он выругался, выровнялся и всё-таки удержался в воздухе.

— Очень убедительно, — бросил Антар.

— Зато я наверху!

— Пока.

Эйнар проигнорировал его и пошёл вниз. Тьма собралась вокруг рук, вытянулась в широкие лезвия и ударила по передней части существа. Несколько вросших тел и одна массивная конечность отделились сразу. Огромный кусок плоти сорвался со склона, ударился о камни и покатился вниз. Чудовище даже не остановилось, а оторванная часть продолжала двигаться отдельно.

— Это уже раздражает, — сказал Эйнар.

Антар атаковал следом. Тень прошла по склону, поднялась под телом твари и разрежала несколько опор. Масса накренилась, на мгновение потеряла равновесие, однако десятки меньших конечностей тут же вцепились в камень.

Лут следил за боем и всё яснее ощущал собственное состояние. Силы у него оставались; беда была в том, что тело не успевало за ними. Каждая попытка вызвать Свет, Тьму или Тень требовала времени, пространство почти не слушалось. Даже крылья реагировали с задержкой, словно между мыслью и действием появилась вязкая прослойка. Он ещё мог сражаться, но уже не так, как привык.

Лут поднялся в воздух и сразу понял, насколько ошибся. Три пары крыльев раскрылись, однако тело дёрнулось вместо привычного ровного движения и едва удержалось над вершиной. Светлая пара отозвалась первой, Тень второй, Тьма запоздала. Разница была ничтожной, но для шести крыльев хватило и её. Лут опустился обратно.

Эйнар заметил.

— Не лезь.

— Сам разберусь.

— Ты сейчас даже летишь хуже меня.

Лут посмотрел на него.

— Не преувеличивай.

— Это был самый страшный комплимент в моей жизни.

Снизу снова ударила энергия. Эйнар рванулся в сторону, слишком резко раскрыл верхнюю пару крыльев и перевернулся в воздухе. Каким-то чудом он не рухнул на склон. Антар отступил через Тень, Мита поставила перед собой плотную стену Света, но удар расколол её и отбросил девушку назад. Антар успел поймать её за руку.

— Крылья!

— Я не умею!

— Уже заметил!

— Тогда заткнись!

Эйнар приземлился рядом, едва не сбив обоих.

— Хватит бегать по земле. Оно скоро будет здесь.

— Я сказала, что не умею летать! — Мита резко повернулась к нему.

— Я тоже не особенно умею.

Антар оглянулся на две пары его крыльев.

— Это должно успокаивать?

— Нет. Это значит, что времени нормально учиться у нас нет.

Очередной выстрел разорвал край вершины, подняв облако красных осколков. Эйнар схватил Миту за плечо и отвёл дальше от обрыва.

— Крылья не руки. Не пытайся ими махать.

— Очень полезно!

— Я серьёзно. Ты всё время пытаешься двигать ими как птица. Они работают от силы.

Почувствуй, куда тянут тебя, и не мешай.

— Ты сам понял это минуту назад? — спросил Антар.

— Примерно.

— Прекрасный учитель.

— Другого нет.

Существо поднялось ещё выше. Теперь с вершины были видны отдельные лица, и некоторые смотрели на них осмысленно. Человек, вросший почти по грудь в плоть, открыл рот. Из-за расстояния и грохота боя они не слышали его голоса, но выражение лица не оставляло сомнений: он кричал. Внутри его тела собралась энергия, и через мгновение из рук вырвался

поток огня. Мита отбила его Светом. Лицо человека исказила боль, однако он продолжал атаку, не в силах остановиться.

Антар тоже это увидел.

— Они всё понимают.

Эйнар ничего не ответил. Он ударил Тьмой ниже человеческой фигуры, стараясь не задеть её. Плоть вокруг разорвало, тело освободилось и рухнуло на склон. Человек продолжал кричать даже после отделения от чудовища, хотя нижней части тела у него больше не было.

Мита застыла.

— Он...

— Потом, — резко оборвал её Эйнар. — Сейчас живём.

Металлическое оружие в боку существа повернулось к ним. Антар раскрыл крылья.

— И что мне делать?

— Не думать о них как о крыльях.

— Отличный совет.

— Серьёзно. Подними себя Тенью и дай им подхватить движение.

Антар поднялся на несколько метров. Крылья дрогнули, и его сразу повело в сторону.

— Не выравнивайся телом! Крыльями!

— Меня сносит к склону!

— Ударь Тенью снизу! Дай крыльям подхватить движение!

Антар действительно начал падать, но ударил Тенью снизу и вернулся вверх.

— На земле показать не мог?

— На земле тебя никто не сбивал.

— Тогда говори, куда смотреть.

Пушка выстрелила. Антар дёрнулся в сторону слишком резко и потерял равновесие, зато снаряд прошёл мимо. Он раскрыл крылья шире, поймал тягу и впервые удержался в воздухе без помощи Тени. Всего несколько секунд, но удержался.

— Поймал поток! — крикнул Эйнар. — Не сгибай крыло!

— Оно само меня держит!

— Вот и не мешай ему!

Мита смотрела на них с яростью, будто они лично придумали необходимость летать.

— А мне что делать?!

— Поднимись на Свете, — ответил Эйнар.

— Я упаду.

— Встану ниже и подхвачу, если сорвёшься.

— Ты сам едва держишься!

— Антар, прикрой снизу!

— Снизу прикрою, — отозвался Антар, выравнивая полёт.

Новая атака оборвала разговор. Лут выставил Тень, но слишком поздно: энергия ударила по ещё формировавшейся защите и разорвала её. Его отбросило назад. Крылья раскрылись сами, вновь с разной задержкой, и он остановился у самого края. Раздражение поднималось вместе с болью. Враг не стал быстрее — это Лут стал медленным, и привыкнуть к этому было тяжелее, чем к силе чудовища.

Он вытянул руку. Тьма собралась вокруг ладони, Тень прошла вдоль неё, Свет замкнул структуру. Удар сорвался вниз и разрезал переднюю часть твари почти на треть. Огромный кусок плоти отделился, множество тел рухнуло вместе с ним, вросшая металлическая конструкция треснула пополам. Существо остановилось.

Лут опустил руку. Перед глазами на мгновение потемнело. Тварь снова двинулась.

— Конечно, — тихо произнёс он.

Эйнар приземлился рядом.

— Всё.

— Что?

— Хватит.

— Я ещё могу.

— Можешь. Только каждый следующий удар медленнее предыдущего.

Лут хотел возразить, но не смог: Эйнар был прав. Антар опустился чуть дальше, слишком жёстко ударился ногами о камень и едва не упал.

— Я впервые соглашусь с ним.

— Запомню дату, — ответил Эйнар.

Мита стояла рядом, окружённая Светом. Слёзы ещё не высохли, глаза оставались красными, однако необходимость выжить заставляла её следить за чудовищем вместе с остальными.

— Лут отходит. Мы держим, — сказал Эйнар.

— Ты решил командовать? — спросил Антар.

— Кто-то должен.

Лут посмотрел на Эйнара. Тот выдержал его взгляд, и через несколько секунд Лут отступил.

— Не геройствуйте.

— Особенно смешно слышать это от тебя.

Эйнар вновь раскрыл крылья и на этот раз поднялся ровнее. Антар последовал за ним. Его полёт всё ещё напоминал постоянное исправление падения, но он уже не возвращался на землю после каждого движения. Мита осталась стоять.

— Я не могу.

Эйнар завис над ней.

— Можешь подняться?

— На Свете да.

— Поднимайся.

Она медленно оторвалась от земли и раскрыла крылья. Её сразу повело назад. Мита испуганно дёрнулась, Свет вспыхнул вокруг тела и подбросил её вверх.

— Не сопротивляйся!

— Я падаю!

— Ты летишь!

— Это не полёт!

— Сейчас достаточно!

Антар прошёл рядом, накренившись почти горизонтально.

— Он прав.

— Ты сам еле держишься!

— Поэтому я эксперт.

Мита зло выругалась, выровнялась Светом и на несколько секунд зависла между ними. Эйнар усмехнулся.

— Уже лучше.

— Я тебя ненавижу.

— В очередь.

Они атаковали вместе. Тьма Эйнара отсекала крупные части тела, Тень Антара разрывала опоры и мешала чудовищу цепляться за склон. Свет Миты бил почти без точности, зато с такой мощью, что целые участки плоти срывало вниз. Существо продолжало ползти. Каждую потерянную конечность заменяла другая: вместо огромной лапы в камень вцеплялись десятки меньших рук, на месте уничтоженного оружия наружу выворачивалась новая металлическая часть. Поглощённые существа продолжали использовать силы, даже когда от них оставалась половина тела.

Вершина постепенно разрушалась. Красный камень покрывали ожоги, трещины и воронки; туман снова поднимался снизу и заполнял повреждённые участки склона. Лут отошёл от края и пытался восстановиться. Квazar внутри отдавал энергию, но оболочка принимала её слишком медленно. Всякий раз, когда он обращался к силе, возвращалось ощущение вязкой задержки. Он попробовал снова вызвать крылья. Все три пары появились, однако лишь спустя несколько мгновений. Лут сжал зубы.

В этот момент существо изменило тактику. Прежде оно поднималось на массивных конечностях и использовало присоединённых существ для атак. Теперь из центральной массы вырвалось длинное щупальце. Оно росло прямо в движении, вытягиваясь из общей туши и увлекая за собой руки, кости и куски металла. Его конец раздулся, раскрылся несколькими костяными выступами и ударил вверх.

Эйнар заметил первым.

— Лут!

Тот повернулся, но слишком поздно.

Во внутреннем мире Орн сидел у подножия Пика Мира и слушал Реми вполуха. Разговор давно ушёл в сторону от чего-либо полезного и всё больше напоминал попытку понять, куда Лут снова умудрился влезть.

— То есть ты не знаешь, где он сейчас?

— Я сказал, что не могу точно определить положение внешнего мира.

— Звучит почти одинаково.

Реми собирался ответить, но резко замолчал. Его взгляд ушёл мимо Орна, мимо леса и океана — туда, где для остальных ничего не существовало.

— Что?

Реми не ответил. Лицо стало сосредоточенным, и Орн поднялся.

— Реми?

— Координаты изменились.

— Какие координаты?

— Мира.

— Мы опять куда-то переместились?

— Не мы. Внешний мир сместился относительно внутреннего.

— Лут?

— Идёт бой.

Перед Реми появилась тонкая трещина. Она не раскрылась до конца и не превратилась во врата: пространство разошлось узкой неровной линией, расширилось на несколько десятков сантиметров и застыло. Происходящее снаружи было видно словно через разбитое окно.

Орн подошёл ближе. За трещиной находились чужая вершина из красного камня, зелёный туман и незнакомое небо. Эйнар и Антар держались в воздухе над склоном, Мита находилась чуть ниже, окружённая Светом. Лут стоял в стороне и выглядел хуже остальных.

— Что за...

Орн не успел закончить. Из нижней части обзора вырвалось огромное щупальце. Лут повернулся слишком поздно, и удар пришёлся ему в бок. Три пары крыльев исчезли почти одновременно: светлые рассыпались искрами, Тьма распалась густым чёрным туманом, Тень разошлась рваными клочьями. На мгновение изменилось всё тело. Лицо потеряло чёткие очертания, руки и грудь задрожали, словно внешний облик перестал удерживать собственную форму.

Щупальце прошло дальше. Части тела Лута не стало. Её не разорвало и не вырвало, как кусок плоти: на её месте осталась неправильная пустота, по краям которой клубился звёздный туман, пытаясь удержать границы оболочки. Ни крови, ни костей, ни внутренних органов.

Только отсутствие части формы — и повреждение не затягивалось. Туман собирался по краям, но тело не восстанавливалось.

Орн несколько секунд молча смотрел через трещину.

— Почему он не восстанавливается?

Реми не ответил сразу. Он не отводил взгляда от Лута.

— Потому что это уже не обычное тело.

Орну этого хватило. Он шагнул к трещине, и Реми резко повернулся к нему.

— Орн. Не лезь туда.

— Он еле стоит.

— Я вижу.

— Тогда открой проход.

— Это не проход.

Орн посмотрел на узкую щель.

— Уже сойдёт.

— Орн, стой.

Вместо ответа он разбежался. Реми шагнул следом и окликнул его, но Орн уже прыгнул. Человеческое тело начало меняться ещё в воздухе: спина выгнулась, руки вытянулись и изменили форму, пальцы сомкнулись в лапы, по коже прошла густая шерсть. К трещине летел уже огромный ледяной волк, слишком большой для такого прохода. Останавливаться он не собирался.

От удара пространство задрожало. Реми вскинул руку, удерживая края.

— Ты совсем идиот?!

Волк уже наполовину исчез с другой стороны. Трещина расширилась, и Орн вырвался наружу. На красной вершине воздух лопнул короткой вспышкой. Огромный волк тяжело вылетел из разрыва; прежде чем он коснулся земли, тело окончательно завершило превращение. Лапы ударили в камень, красная порода треснула. Орн скользнул ещё несколько метров, поднял голову и увидел Лута. Затем посмотрел вниз, на поднимающееся чудовище. Из пасти вырвался низкий рык.

Антар быстрее остальных оценил расстояние до края, состояние Лута и тварь, почти добравшуюся до вершины.

— Орн, хватай Лута пастью. Мы за шерсть. Прыгаем со скалы.

Эйнар посмотрел вниз.

— И дальше?

— Крыльями тормозим падение. Другого пути нет.

Орн осторожно перехватил Лута поперёк тела. Антар первым вцепился в шерсть, Мита и Эйнар последовали за ним. Чудовище уже подтягивало тушу к вершине, и Антар не стал ждать.

— Прыгай.

Орн сорвался с края. Эйнар раскрыл две пары крыльев, Антар — свою, Мита попыталась повторить за ними, но её тут же повело в сторону.

— Не маши ими! — крикнул Эйнар. — Держи раскрытыми и тормози силой!

— Я не умею!

— Я тоже криво умею!

Антар едва удержался на шерсти.

— Очень обнадеживает.

Падение замедлилось, но недостаточно. Под ними двигалось тело чудовища, перекрывая значительную часть склона.

— На него! — приказал Антар.

Орн приземлился прямо на плоть. Лапы обожгло мгновенно, но он продолжил бежать, перепрыгивая через костяные наросты, вросшие машины и сросшиеся тела. От каждого кас-

ния подушечки лап разрывало до крови, шерсть на ногах скручивалась от жара и едкой жидкости. В разных частях туши начала собираться энергия.

Эйнар сбил первый удар Тьмой, Мита сорвала второй Светом, Антар разрезал Тенью тянувшиеся к ним конечности. Третий поток задел Орна сбоку и подпалил шерсть почти до кожи.

— Быстрее! — Антар держался одной рукой, второй отбивая очередную конечность.

Орн прыгнул через массивный сустав, приземлился на металлическую конструкцию и сразу рванул дальше. Одна задняя лапа уже почти не держала вес. Следующая атака вырвала кусок плоти с плеча, но пасть на Луте он не разжал. До края оставалось несколько прыжков.

— Сейчас!

Орн оттолкнулся от чудовища. Все трое раскрыли крылья до предела: Эйнар первым поймал поток, Антар выровнялся Тенью, Мита добавила Свет, чтобы их не сорвало вниз. Падение замедлилось ровно настолько, чтобы удар о склон не стал смертельным. Орн прокатился по красному камню, содрал остатки кожи с лап и остановился лишь через несколько десятков метров. Лут выпал рядом, Антар и Эйнар сразу подхватили его.

Наверху чудовище ещё несколько секунд смотрело в их сторону. Затем его внимание сместилось: вдали снова вспыхнула крепость. Тварь медленно развернулась и поползла к ней.

— Нас больше не считает целью, — сказал Эйнар.

Антар посмотрел на далёкие стены.

— Там больше живых.

Орн попытался подняться и тут же рухнул. Теперь повреждения были видны полностью: лапы обожжены почти до мяса, шерсть на груди и боках выгорела клочьями, на плече и задней части тела недоставало нескольких кусков плоти.

— В укрытие, — решил Антар.

Старую шахту нашли ниже по склону. Полуобвалившийся проход уходил вглубь горы; внутри было тесно и темно, зато достаточно глубоко, чтобы скрыться от атак снаружи. Орн дошёл туда почти на трёх лапах и рухнул у стены. Лут сел рядом. Пустота в его боку не затягивалась, края оболочки продолжали расплываться звёздным туманом.

Антар посмотрел на обоих.

— Реми. Открывай врата.

Пространство перед стеной шахты дрогнуло и раскрылось проходом во внутренний мир. Орн попытался встать.

— Даже не думай, — сказал Антар.

Волк зарычал.

— Рычать можешь внутри.

Эйнар схватил его за шерсть с одной стороны, Мита — с другой. Орн упёрся лапой, но та сразу подогнулась.

— Хватит, — сказала Мита и потянула сильнее. — Ты уже еле живой.

Втроём они почти силой протащили его к вратам. Лут тоже попытался подняться.

— Я сам.

— Ты тоже внутрь, — сказал Антар.

— Антар...

— Сейчас не ты решаешь.

Лут задержал на нём взгляд, но спорить не стал. Эйнар подхватил его под плечо и помог дойти до прохода.

— Мы идём в крепость, — сказал Антар. — Нужно понять, что это за мир, что это за твари и почему они продолжают жить после таких повреждений.

— Втроём? — Лут нахмурился.

— Там есть люди. Значит, есть ответы. Ты и Орн сейчас только замедлите нас.

Мита посмотрела в сторону выхода из шахты.

— А если та тварь доберётся туда раньше?

— Тогда тем более надо спешить.

Эйнар раскрыл две пары крыльев.

— По дороге будем учиться летать.

Антар посмотрел на него.

— Ты сам летишь как пьяный.

— Поэтому уже знаю большинство ошибок.

— Прекрасно, — мрачно сказала Мита.

Антар кивнул в сторону врат.

— Реми, забирай их.

Когда Лут и Орн оказались внутри, проход начал закрываться. Лут успел только сказать:

— Не лезьте в бой без необходимости.

Антар коротко усмехнулся.

— Особенно убедительно от тебя.

Врата исчезли. В шахте остались Антар, Эйнар и Мита. Вдали снова вспыхнула крепость, и Антар первым направился к выходу.

«Последний оплот»

Из шахты они вышли через другой проход. Антар задержался у выхода, осмотрел склон и вершину горы, затем первым свернул в сторону от крепости.

— Обходим.

Эйнар нахмурился и пошёл следом.

— Крепость в другой стороне.

— И твари тоже.

Мита оглянулась на гору.

— Мы потеряем время.

— Зато не встретимся с ними ещё раз. Если они идут к крепости, прямой путь оставим им. — Антар поправил ремень оружия и продолжил спуск.

Эйнар ничего не ответил. Решение было очевидным, и это почему-то раздражало ещё сильнее.

Склон быстро стал круче. Камни осыпались из-под ног; приходилось цепляться за выступы и спускаться боком. Через несколько минут Эйнар остановился и посмотрел вниз.

— Так мы до вечера ползти будем.

Антар проследил за его взглядом.

— Предлагаешь прыгнуть?

За спиной Эйнара раскрылись две пары крыльев.

— Предлагаю наконец научиться ими пользоваться.

Мита невольно посмотрела на собственную спину.

— Я уже пользовалась.

— То, что было наверху, полётом не считается, — усмехнулся Эйнар.

— Мы не разбились.

— Мы падали и тормозили себя стихиями.

Антар чуть повернул голову.

— Ты тоже.

— Поэтому и говорю.

Эйнар расправил крылья шире, привыкая к непривычному давлению в спине. Вторая пара мешала первой, даже когда он просто стоял. Слишком много новых мышц, слишком много ощущений, которых раньше не существовало.

— Нам повезло, что Лут тогда едва понимал, где находится, — сказал он, осторожно шевельнув нижней парой. — Увидел бы нормально, что мы делаем, получили бы все.

Мита фыркнула.

— Уверена, ты больше всех.

— Я тоже.

Эйнар подошёл к краю.

— Смотрите.

Он оттолкнулся. Крылья ударили по воздуху почти одновременно, и сразу стало ясно, что это была ошибка. Вторая пара добавила слишком много силы: Эйнара резко потянуло вверх, тело развернуло боком, одно крыло зацепило другое. Боль полоснула по спине.

— Твою же...

Он сложил нижнюю пару, дал верхней закончить движение и выровнялся.

— Отличное начало урока, — заметил Антар со склона.

Эйнар сделал широкий круг и вернулся к выступу.

— Зато теперь вы знаете, чего не делать.

— Очень щедро.

Эйнар опустился рядом с ними.

— Раньше у меня была одна пара. Тело привыкло работать с ней. Теперь мозг пытается управлять четырьмя крыльями так, будто их всё ещё два.

Мита осторожно раскрыла свои.

— А мне легче?

— Нет. У тебя одна пара должна делать всё сразу.

Она посмотрела на него без особого восторга.

— Поддержал.

Эйнар подошёл ближе и рукой повернул край её крыла. Мита дёрнулась.

— Эй!

— Не напрягай всё сразу. Чувствуешь крайние перья?

Она пошевелила ими и кивнула.

— Поверни.

Перья слегка изменили угол.

— Ещё.

Мита повторила движение и недоверчиво посмотрела на него.

— И что?

— В воздухе этого хватит, чтобы изменить направление. Не надо каждый раз выворачивать всё крыло.

Антар раскрыл свою пару и несколько раз медленно повёл ею назад.

— Значит, основной взмах даёт скорость, а перья корректируют?

— Не только, но для начала достаточно. Сначала научись не падать, потом будем портить тебе жизнь подробностями.

— Забота чувствуется, — усмехнулся Антар.

Эйнар снова прыгнул первым. На этот раз пары сработали не одновременно: верхняя сделала сильный взмах, нижняя раскрылась следом и приняла часть нагрузки. Его всё равно качнуло, но уже не развернуло.

— Теперь вы.

Антар посмотрел вниз, расправил крылья и прыгнул. Первый взмах оказался слишком сильным: его бросило вперёд почти горизонтально.

— Меньше! — крикнул Эйнар.

Антар попытался поднять край крыла, перестарался и резко ушёл в сторону.

— Не всем крылом! Перьями!

— Я занят!

— Очень заметно!

Антар выровнялся в нескольких метрах от склона, сделал ещё один взмах и наконец перестал напоминать камень, которому кто-то по ошибке приделал перья.

Мита осталась наверху одна.

— Давай, — позвал Эйнар снизу.

— Не торопи.

— Тварям тоже сказать подождать?

Она зло посмотрела на него и прыгнула. Крылья раскрылись сразу. Первый взмах удержал её от падения, второй оказался слишком частым. Потоки столкнулись, Миту дёрнуло вверх, она испуганно сложила крылья и тут же провалилась вниз.

— Раскрой!

Мита расправила их слишком резко. Воздух ударил в перья, крыло выгнуло назад, и она вскрикнула. Эйнар успел подхватить её под руку и потянул вверх.

— Не ломай их против потока!

- Я поняла!
- По крику заметно.
- Отпусти меня!
- Сначала перестань падать.

Она сделала ещё один взмах — неуверенный, короткий, но тело перестало тянуть вниз. Эйнар отпустил её. Несколько секунд Мита летела сама, потом осторожно повернула крайние перья и медленно ушла вправо. На её лице появилась короткая улыбка.

- Получилось.
 - Не радуйся раньше времени.
- Улыбка исчезла.
- Ты отвратительный учитель.
 - Зато живой.

Антар пролетел чуть ниже них вдоль склона.

— Двигайтесь. Урок продолжим по дороге.

Эйнар повернул голову. Антар уже летел вперёд — неуверенно, слишком напряжённо, но летел.

— Командовать быстро привык, — пробормотал Эйнар и направился следом.

Они держались низко, повторяя изгибы горы. Антар сразу запретил набирать высоту: чем ближе к земле, тем меньше шанс, что их заметят издалека.

Мита быстро поняла, что главный враг начинающего полёта — собственная паника. Стоило телу уйти в сторону, как хотелось резко махнуть крыльями, и именно этот лишний взмах ломал движение ещё сильнее.

— Спокойнее, — сказал Эйнар, снизившись рядом. — Не исправляй каждую ошибку сразу.

- Я падаю.
- Ты опускаешься на метр.
- Для меня это начало падения.
- Для тебя всё начало падения.

Она повернула одно маховое перо, чуть изменила угол крыла и плавно ушла от скалы. Эйнар кивнул.

- Вот.
- Мита посмотрела на него.
- Можно было просто сказать, что правильно.
 - Я сказал.
 - Ты кивнул.
 - Достаточно.

Впереди Антар резко поднял руку. Все трое почти одновременно сбросили скорость. Из-за горы донёсся глухой удар, и камень под ними едва заметно дрогнул.

— Они? — спросила Мита, оглянувшись.

Антар опустил на широкий выступ.

— Не знаю.

Эйнар приземлился рядом и убрал крылья.

— Проверять не будем.

Через гору прокатился ещё один удар, на этот раз слабее. Антар посмотрел на вершину, затем в сторону крепости.

— Продолжаем.

Они снова поднялись в воздух. Через некоторое время Эйнар начал понимать вторую пару крыльев. Не полностью, даже близко нет, но достаточно, чтобы перестать бороться с ней после каждого движения. Верхняя пара давала основную тягу при разгоне. Нижнюю он пока

чаще держал раскрытой, используя для устойчивости и небольших поправок. Иногда пробовал подключать её к взмаху, и тогда скорость возрастала настолько резко, что приходилось сразу гасить движение.

Антар заметил очередной рывок.

— Ты сейчас специально?

Эйнар вернулся ближе.

— Наполовину.

— Вторая половина?

— Ошибка.

— Успокаивает.

Эйнар пошевелил нижним крылом.

— Самое неприятное даже не это.

— А что?

Он чуть отвёл обе пары в разные стороны и сразу поморщился.

— Они чувствуют всё.

Антар не сразу понял.

— В смысле?

— Как руки. Только новые. Когда одно крыло ударилось о другое, было ощущение, будто мне пальцы вывернули.

Мита посмотрела на собственные перья уже иначе.

— И если перо вырвать?

Эйнар пожал плечами.

— Не советую проверять.

Антар провёл взглядом по своему крылу.

— Лут однажды говорил об этом?

— Лут много чего считает очевидным.

— Потому что у него три пары? — спросила Мита.

— Потому что он Лут.

Несколько минут они летели молча. Гора постепенно оставалась позади.

Первым крепость увидел Антар. Он поднялся немного выше и замер.

— Нашли.

Эйнар и Мита набрали высоту следом. Теперь, когда склон не закрывал обзор, стало понятно, насколько огромна крепость. Она занимала часть самой горы. Стены словно продолжали камень; башни поднимались уступами, а выше тянулись укрепления, вырубленные прямо в массиве. На площадках стояли машины, назначения которых трое пока не понимали. Некоторые были повреждены, несколько участков стены почернели после недавнего боя.

Мита медленно выдохнула.

— И эта штука отбивается от тех тварей?

Антар посмотрел на следы разрушений.

— Пока.

Они снизились. Чем ближе становилась крепость, тем больше деталей проступало на стенах. Повсюду были люди: на площадках таскали боеприпасы, укрепляли повреждённые секции, натягивали канаты, переносили металл и части разрушенных машин.

Мита первой заметила мальчика. На вид ему было лет десять. Он сидел у стены и совершенно спокойно перебирал длинные металлические детали, отбрасывая повреждённые в одну сторону, а пригодные — в другую. Рядом работала девочка ещё младше.

Антар нахмурился.

— Дети.

Эйнар посмотрел дальше. На верхней площадке стоял седой старик. Одной рукой он держался за копьё, второй поправлял крепление на стене. Через несколько метров женщина несла на руках младенца и одновременно спорила с вооружённым мужчиной.

Мита сбросила скорость.

— Здесь вообще есть кто-нибудь, кто не воюет?

— Похоже, нет, — ответил Антар.

Их уже заметили. На стене раздался крик, несколько орудий повернулись в их сторону. Эйнар резко раскинул руки.

— Не атакуем!

Антар медленно поднял ладони.

— Мы пришли поговорить!

Один из защитников что-то крикнул остальным, но орудия не опустились.

— Очень дружелюбно, — пробормотала Мита, глядя на стволы.

— После того, что ползёт к ним с другой стороны горы, я бы тоже не встречал незнакомцев хлебом, — ответил Антар.

Они приземлились перед внешними воротами. Крылья Антара исчезли первыми. Мита задержалась на секунду дольше, осторожно складывая свои, будто после разговора с Эйнаром внезапно начала ценить каждое перо. Эйнар убрал обе пары последним.

Ворота оставались закрытыми. На стене появился мужчина в тяжёлой броне. Его левая рука отличалась от правой — не бронёй, а кожей. Она была темнее, шире в предплечье и соединялась с плечом грубым швом, уходившим под пластину доспеха. Антар задержал на ней взгляд лишь на мгновение, но мужчина заметил.

— Никогда не видел пришитой руки?

Эйнар поднял бровь.

— Обычно руки принадлежат тому, к кому пришиты.

— Теперь принадлежит.

Мита посмотрела на шов.

— И она работает?

Мужчина сжал кулак.

— Уже сто сорок лет.

Тишина стала заметно тяжелее.

— Сколько? — медленно переспросила Мита.

Мужчина не успел ответить. Тот самый мальчик, которого они видели на стене, подошёл к краю и раздражённо бросил вниз:

— Хватит трепаться, откройте им. Если бы они хотели напасть, уже сделали бы.

Эйнар посмотрел на ребёнка.

— А тебе сколько?

— Двести семнадцать, — нахмурился мальчик.

Мита молча повернулась к Антару. Тот ещё некоторое время смотрел вверх.

— Кажется, вопросов стало больше.

Мужчина на стене усмехнулся и махнул рукой. Механизм внутри горы загрохотал, ворота начали раскрываться. Металл скрежетнул о камень, из глубины прохода потянуло горячим воздухом. Несколько человек у ворот расступились, не переставая рассматривать незнакомцев.

У стены кто-то выругался. Эйнар повернул голову. Женщина с копьём смотрела ему за спину.

— Где они?

— Кто?

Она раздражённо указала копьём.

— Крылья.

Эйнар оглянулся через плечо.

— Убрал.

Женщина нахмурилась ещё сильнее. За её собственной спиной лежала сложенная пара серых крыльев, совершенно материальная и явно никуда исчезать не собиравшаяся.

— Крылья не убирают.

Мита посмотрела на неё, потом на Эйнара.

— Здесь тоже есть крылатые?

— Судя по всему.

Женщина перевела взгляд на Антара.

— У него тоже исчезли.

— Удобно, — пожал плечами тот.

Ответ её явно не удовлетворил, но спорить она не стала. Только проводила троицу взглядом, когда они прошли под воротами.

Мита прошла несколько шагов под воротами и остановилась. — Подождите. Та женщина говорила не на нашем языке.

Антар обернулся. — Ты только сейчас заметила?

— Вы оба знали? — Мита перевела взгляд с него на Эйнара.

— Стражи понимают чужую речь, — ответил Эйнар. — Мы обнаружили это ещё до ворот.

— И не сказали мне.

— Ты уже разговаривала с ней. Я решил не перебивать.

Мита посмотрела назад, на женщину с копьём. — А почему это вообще работает?

— Лут тоже не знает, — сказал Антар.

— Когда вернёмся, спрашивать его будете вы. И объяснять, почему молчали, — тоже. —

Мита пошла вперёд, оставив обоих у ворот.

Эйнар проводил её взглядом. — Справедливо.

Город встретил их не улицами, а работой. За внешней стеной почти не было свободного пространства. Дома теснились между массивными опорами, лестницы уходили вверх по склону и исчезали в проходах, прорубленных прямо в горе. Над улицами висели мосты, по которым тащили металл, ящики и связки оружия. Никто не стоял без дела.

У стены двое мужчин закрепляли новую плиту поверх треснувшего участка. Рядом женщина сидела прямо на земле и пришивала чужую кисть к обрубку руки. Мужчина, которому принадлежало тело, спокойно держал локоть второй рукой и смотрел, как игла проходит через плоть.

Мита замедлилась.

— Он даже не кричит.

Мужчина услышал и поднял голову.

— Первые лет пятьдесят кричал.

Она остановилась окончательно.

— Потом надоедает, — усмехнулся он.

Женщина дёрнула нить сильнее. Мужчина поморщился.

— Я всё ещё чувствую.

— Тогда не разговаривай.

— Мне скучно.

Она снова затянула шов, и он замолчал. Эйнар посмотрел на Миту.

— Идём.

Она кивнула, но ещё несколько секунд не могла отвести взгляд от чужой руки.

Чуть дальше по улице другой мальчик лет десяти разбирал ящик с металлическими наконечниками. Повреждённые бросал в одну кучу, целые — в другую, не тратя на решение больше секунды.

Антар остановился рядом.

— Тебе помочь?

Мальчик даже не поднял головы.

— Если умеешь править металл.

— Нет.

— Тогда мешаешь.

Антар моргнул. Мита прикрыла рот рукой, а Эйнар прошёл мимо.

— Достойный противник.

Антар нагнал его.

— Я хотел помочь.

— Он тоже это понял.

Мальчик наконец поднял голову.

— Мне двести сорок три.

Все трое остановились. Мита первой повернулась к нему.

— Сколько?

— Двести сорок три. — Он снова занялся наконечниками. — Вы все новенькие такие?

Мита сжала ремень копья, прежде чем ответить.

— А выглядишь...

— На десять. Знаю.

Эйнар тихо выдохнул. Антар уже не улыбался.

Они пошли дальше. После этого возраст перестал складываться в привычную картину. На ступенях сидела девочка лет семи и перебирала связки стрел. Рядом старик с дрожащими руками точил лезвия, иногда останавливаясь, чтобы размять пальцы. Женщина несла на руках младенца и одновременно спорила с кузнецом о толщине металлических пластин. Младенец смотрел перед собой совершенно спокойно.

Мита невольно задержала на нём взгляд. Женщина заметила.

— Сто двенадцать.

Мита закрыла рот, который уже успела открыть.

— Я ничего не спросила.

— Все спрашивают.

Женщина поправила ребёнка на руках и пошла дальше.

На следующем ярусе стало ещё тяжелее. У стены сидела женщина с огромным швом через живот. Поверх рубца проходили ещё несколько старых линий, будто тело вскрывали не один раз. Она проверяла натяжение тетивы и не обращала внимания на троицу, пока Мита снова не замедлилась.

Женщина посмотрела на неё.

— Беременность.

Мита замерла.

— Что?

— В день тумана. — Женщина провела пальцами по рубцу. — Через несколько десятилетий надоело мешаться. Вырезали.

Мита побледнела. Эйнар отвёл взгляд, Антар — нет.

— И рана? — спросил он.

— Сшили. — Женщина показала на шрам. — Что ещё с ней делать?

Никто не ответил. Она вернулась к работе, а трое поднялись выше.

Город становился всё плотнее. Внутренние проходы уходили в глубину горы; оттуда доносились гул механизмов и удары металла. На открытых площадках стояли орудия. Некоторые были собраны из обычных механизмов, другие явно пережили столько ремонтов, что их исходную форму уже невозможно было определить.

Мита огляделась.

— Где здесь армия?

— Везде, — нахмурился Эйнар.

Вооружённые люди действительно были повсюду, но никто не стоял строем, не ждал приказа и не выглядел человеком, которому сейчас скажут, куда бежать.

Антар подошёл к мужчине, помогавшему укреплять деревянную балку между двумя домами.

— Где найти коменданта?

Тот посмотрел на него.

— Кого?

— Того, кто командует крепостью.

Мужчина перестал тянуть канат.

— Никого.

Антар нахмурился.

— Совсем?

— Совсем.

Эйнар подошёл ближе.

— Тогда кто принимает решения?

— По чему?

Антар указал на стены.

— Оборона. Еда. Ремонт. Люди.

Мужчина пожал плечами.

— Кто умеет, тот и делает.

— А если нужно решить что-то для всех?

Мужчина задумался.

— Собираются.

— Кто?

— Все, кого касается.

Эйнар посмотрел на Антара. Тот ответил таким же взглядом.

— У вас нет стражи?

— Есть те, кто сейчас на стенах.

— Военной власти?

— Нет.

— Городского совета?

— Был.

— И где он?

— Ушёл.

Мита нахмурилась.

— Куда?

— Бежать.

Мужчина дёрнул канат. Балка встала на место.

— Мы не пошли.

Сбоку раздался сухой смешок. На каменном ящике сидел старик, очень старый даже внешне. Кожа почти прилипла к костям, одна нога была перевязана металлическими пластинами, а пальцы правой руки двигались с заметным трудом.

— Если хотите власти, порядков, списков и людей, которые рассказывают остальным, когда им есть и куда идти, вам в Луговой город, — сказал он.

Антар повернулся к нему.

— А здесь?

— А здесь все и так знают, что делать.

Эйнар оглянулся на улицу. Никто не ждал приказов. Мальчик продолжал сортировать металл. Женщина у стены закончила пришивать руку и уже принималась за следующего раненого. На верхнем ярусе несколько человек вместе переставляли оружие. Кто-то готовил еду, кто-то укреплял двери, кто-то нёс воду. А кто-то сидел рядом с человеком, которому уже невозможно было помочь, но оставлять одного всё равно не хотел.

Мита посмотрела на старика.

— И дети тоже?

Он проследил за её взглядом.

— Они давно не дети.

— Телом дети.

— Телом.

Старик медленно поднялся, опираясь на стену.

— Некоторые из них старше ваших государств.

Антар проводил взглядом женщину с младенцем.

— А младенцы?

Улыбка исчезла с лица старика.

— Остались младенцами.

Эйнар помолчал.

— Сколько это продолжается?

Старик посмотрел на него.

— Достаточно.

Он сделал несколько шагов, но Антар остановил его.

— Подождите. Вы сказали про Луговой город. Значит, он ещё существует?

— Существует.

Мита сразу повернулась к старику.

— Где?

— На равнинах. Двигается.

Антар нахмурился.

— Двигается?

— Всегда.

— А другие города?

Старик посмотрел на него внимательнее.

— Говорят, ещё два остались.

— Какие?

— Если узнаете, вернитесь и расскажите.

Эйнар усмехнулся.

— Очень точные сведения.

— Хотите точные — идите в Луговой. Там любят считать, записывать и знать, что происходит за горизонтом.

Старик снова двинулся дальше.

— Тогда почему это место называют Последним оплотом? — спросила Мита.

Он остановился и несколько секунд смотрел вверх, туда, где люди восстанавливали повреждённую башню.

— Потому что отсюда больше никто не уйдёт.

Мита опустила взгляд.

— Даже если придут твари?

— Когда придут. — Старик поправил металлическую пластину на ноге. — Мы уже достаточно бегали.

Антар смотрел на него молча. Старик кивнул на улицу.

— Видишь детей?

— Да.

— Стариков?

— Да.

— Тех, кто почти не может ходить?

Антар кивнул.

— Никто из них не хочет снова начинать путь. Поэтому и Последний оплот.

С верхних ярусов донёлся металлический удар. Потом второй. Люди вокруг даже не оставились — просто начали работать быстрее.

Мита подняла голову.

— Это тревога?

— Нет, — ответил старик, продолжая идти.

Эйнар посмотрел ему вслед.

— А что?

Старик даже не обернулся.

— Обед скоро.

Город оказался куда шумнее, чем выглядел снаружи. Внутренние ярусы дрожали от выстрелов, ударов молотов и работы механизмов. На площадках между домами стояли пушки разных размеров: от коротких тяжёлых стволов на колёсных станинах до массивных орудий, вмурованных прямо в камень. Между ними бегали люди, таскали снаряды, меняли повреждённые детали, заряжали кристаллы и проверяли длинные магические контуры, уходившие под плиты.

Мита остановилась у одного из орудий.

— Оно магическое?

Стоявший рядом мужчина пожал плечами.

— Пока работает, неважно.

Эйнар провёл взглядом по стволу.

— Очень инженерный подход.

— Очень живучий.

С верхней стены внезапно раздался радостный крик. Его подхватили ещё несколько голосов, потом десятки. Кто-то засвистел, где-то ударили металлом о металл. Люди начали смеяться и хлопать друг друга по плечам.

Мита резко подняла голову.

— Что случилось?

Один из рабочих показал вверх.

— Ушла.

Мита просияла.

— Вы убили ту тварь?

Тишина рядом продержалась ровно секунду. Потом мужчина согнулся от смеха. Женщина возле пушки прикрыла лицо ладонью, кто-то за спиной Миты откровенно заржал. Она медленно покраснела.

— Что?

Эйнар отвернулся. Антар попытался сохранить серьёзное лицо, но не смог.

— Только попробуй, — сказала Мита.

Антар поднял руки.

— Я молчу.

— Ты смеёшься.

— Это другое.

Рабочий наконец выпрямился.

— Убили? Девочка, если бы мы умели их убивать, здесь давно было бы тихо.

— Тогда чему все радуются?

Мужчина указал куда-то за стену.

— Сбросили.

— Куда?

— Со скалы.

Мита помолчала.

— И всё?

Женщина у пушки улыбнулась.

— Ей теперь почти день обратно лезть.

— Вы празднуете один день? — медленно спросила Мита.

Смех вокруг стих. Мужчина пожал плечами.

— Один день, когда она не пытается нас разобрать на части. — Он хлопнул ладонью по пушке. — У нас хорошие праздники.

Мита опустила взгляд.

— Понятно.

Эйнар мягко толкнул её плечом.

— Не красней.

Она моментально повернулась к нему.

— Я не краснею.

Антар усмехнулся.

— Очень убедительно.

— Иди в библиотеку.

Он замер.

— Это сейчас было оскорбление?

— Да.

Ближе к центру город становился теснее. Там почти не было пушек, зато появились склады, мастерские и места, где раздавали еду. Еда выглядела так, будто её заранее наказали за попытку быть вкусной.

Мита покрутила в руках плотный серый брусок.

— Это что?

Женщина за столом посмотрела на неё.

— Еда.

— Я вижу.

— Тогда зачем спрашиваешь?

Эйнар уже откусил кусок. Несколько секунд жевал, потом посмотрел на брусок.

— Она права.

Антар осторожно попробовал свой.

— Это специально такое?

Женщина пожала плечами.

— Сухое. Долго хранится. Не портится.

Мита осмотрела ближайшие здания.

— А поля где?

— Какие поля?

— Где вы выращиваете еду?

Женщина усмехнулась.

— На стенах?

Мита ничего не ответила.

— Мы ничего не выращиваем, — продолжила женщина. — Что привозят, то и едим. Остальное запасено давно.

Антар посмотрел на брусок в руке.

— Очень давно?

Женщина отвернулась к следующему человеку.

— Ешь и не думай.

Эйнар проглотил ещё кусок.

— Теперь мне хочется думать ещё меньше.

После еды они снова вернулись к расспросам о городах, но ответы быстро начали повторяться. Кто-то знал только о Луговом, кто-то слышал, что остались ещё два города, но не мог назвать ни одного. На вопрос, кто знает больше, им неизменно советовали спросить кого-нибудь другого.

Через полчаса Эйнар остановился посреди улицы.

— Такое ощущение, что никому вообще не интересно.

Антар посмотрел вслед очередному местному, уже вернувшемуся к работе.

— Им интересно то, что может добраться до стены.

Мита нахмурилась.

— Но там же люди.

— Здесь тоже, — ответил Эйнар. — И этих они хотя бы видят.

Антар медленно оглядел город.

— Вместе мы будем задавать одни и те же вопросы одним и тем же людям.

— Разделяемся? — спросил Эйнар.

— Да.

Мита сразу посмотрела на Антара.

— Только не говори, что я опять с тобой.

— Даже не собирался, — улыбнулся он.

Эйнар кивнул в сторону стены.

— Я туда. Посмотрю, как они держат оборону. Если не выгонят, помогу.

Антар показал на небольшой навес между двумя зданиями. Над входом висела деревянная табличка, почти полностью стёртая временем.

— Там, сказали, хранят записи.

— Это библиотека? — спросила Мита.

— По местным меркам.

— А я?

Эйнар пожал плечами.

— Поговори с людьми.

Она скривилась.

— Очень ответственное задание.

— Для тебя самое опасное, — бросил Антар, уже отходя.

Мита показала ему вслед кулак. Он не обернулся.

Под навесом пахло пылью, тканью и старой бумагой. Библиотекой это место называлось исключительно из уважения к книгам. Несколько шкафов стояли прямо на земле. Часть свитков лежала в ящиках, книги были сложены стопками на досках. Между ними сидел худой мужчина с пришитым ухом другого цвета и что-то записывал на широком листе.

Антар остановился перед ним.

— Ты здесь главный?

Мужчина поднял глаза.

— Здесь нет главных.

— Уже слышал.

— Тогда зачем спрашиваешь?

Антар посмотрел на книги.

— Мне нужны сведения о других городах.

— Мне тоже.

— Хорошее начало.

Мужчина вернулся к записи. Антар постоял ещё немного.

— Луговой город.

Перо остановилось.

— Что именно?

— Где он.

Мужчина посмотрел внимательнее.

— Зачем?

— Хотим туда попасть.

— Тогда ждать.

— Сколько?

Он задумался.

— Если маршрут не изменился, через восемь дней будет ближе всего к нам.

Антар сразу присел напротив.

— Где?

Мужчина прикрыл лист рукой.

— А это уже не бесплатно.

— Деньги?

— Не нужны.

— Еда?

— Тоже.

Мужчина перевёл взгляд на меч Антара. Тот замер.

— Нет.

— Тогда маршрута нет.

— Это мой меч.

— А маршрут мой.

Несколько секунд они смотрели друг на друга. Антар медленно снял оружие.

— Он стоит намного дороже одного маршрута.

— Тогда можешь уйти.

Антар прикрыл глаза.

— Ненавижу торговцев.

Мужчина усмехнулся.

— Я библиотекарь.

— Это хуже.

Антар положил меч на стол. Мужчина сразу подвинул к себе лист и развернул другой. На нём была грубо нарисована карта равнин с несколькими линиями и отметками старых дорог.

— Луговой идёт вот так.

Антар наклонился.

— Постоянно?

— Почти. — Палец библиотекаря прошёл по линии. — Здесь вода. Здесь старые склады. Здесь обычно меняют направление из-за тварей. Через восемь дней должны пройти ближе всего.

Антар запоминал каждую отметку.

— Насколько близко?

— Если не изменят маршрут, день пути.

Антар посмотрел на свой меч.

— Очень дорогой день пути.

— Ты сам согласился.

— Я ещё могу передумать.

Мужчина положил ладонь на рукоять.

— Уже нет. Теперь мой.

Антар тяжело выдохнул.

— Ненавижу этот город.

На стене Эйнар чувствовал себя заметно лучше. Там хотя бы всё было понятно. Если механизм сломан, его чинят. Если тварь поднимается, в неё стреляют. Если кого-то сбило ударом, его вытаскивают и ставят на его место другого. Никаких речей. Никаких командиров.

Один из расчётов пытался поднять тяжёлый металлический короб на верхнюю площадку. Эйнар подошёл.

— Куда?

Мужчина показал вверх.

— Туда.

Эйнар подхватил короб.

— Один?

— Если можешь.

— Могу.

Он поднялся по лестнице, поставил груз возле орудия и сразу услышал:

— Ещё три внизу.

Эйнар посмотрел на мужчину.

— Спасибо.

— Ты сам предложил.

Через несколько минут Эйнар уже таскал ящики вместе со всеми. Никто не спрашивал, кто он. Никому не было интересно, откуда у него взялись крылья. Если человек способен нести, стрелять или чинить, значит, он полезен. Эйнару такой подход нравился.

Мита осталась внизу. Сначала действительно просто разговаривала: спрашивала имена, слушала истории, помогала переносить воду. Потом заметила женщину с глубокой старой раной на боку. Ткань была стянута десятками швов, часть кожи отличалась по цвету.

Мита остановилась.

— Можно?

Женщина посмотрела на неё.

— Что?

— Я попробую помочь.

Свет появился почти сразу — мягкий, тёплый. Жизнь откликнулась следом. Женщина удивлённо посмотрела на сияние.

— Не двигайтесь, — попросила Мита с улыбкой.

Сила вошла в повреждённую плоть. Ничего не произошло. Мита нахмурилась и попробовала сильнее. Свет стал ярче, Жизнь прошла глубже, но рана осталась прежней.

Женщина посмотрела на неё почти с жалостью.

— Не трать.

Мита опустила руку.

— Подождите.

Она попыталась снова, на этот раз осторожнее. Почувствовала ткани, кровь, нервы. Жизнь там была, но тело не отвечало, будто само понятие восстановления перестало существовать.

— Почему...

Женщина спокойно поправила одежду.

— Здесь так.

Мита смотрела на свою ладонь, пока Свет не погас. Через несколько минут она попробовала помочь другому человеку. Потом ещё одному. Не менялось ничего: ни плоть, ни кость, ни старые швы. Даже мелкий порез не затянулся.

Наконец мужчина, которому она пыталась восстановить два пальца, мягко отвёл её руку.

— Хватит.

Мита посмотрела на него.

— Я могу лечить.

— Верю.

— Тогда почему...

— Потому что здесь не можешь.

Он встал и ушёл. Мита осталась сидеть. Вокруг продолжали работать: кто-то смеялся, кто-то ругался, на стенах снова загрохотали орудия. Она смотрела на свои руки. Ещё недавно Свет казался чем-то огромным, чем-то, что должно было помогать. Здесь он не мог даже закрыть порез.

Мита сжала пальцы и неожиданно вспомнила мать. Дом. Отца. Место, где сейчас должны были находиться все те, кого она знала всю жизнь. Где-то далеко — настолько, что она даже не знала, в каком направлении смотреть.

Она закрыла глаза.

— Отлично.

Никто не услышал. Мита провела ладонью по лицу и поднялась. Если она не могла лечить, оставались другие способы быть полезной. Хотя бы таскать воду. Хотя бы слушать. Хотя бы не сидеть.

Следующие семь дней крепость жила в одном ритме: утром грохотали мастерские, днём стреляли со стен, вечером латали то, что успело развалиться. Эйнар почти поселился наверху. Он таскал снаряды, помогал расчётам менять повреждённые механизмы и через пару дней перестал быть для местных чем-то необычным. Если мог поднять тяжёлый короб туда, куда остальные тянули его лебёдкой, значит, был полезен; остальное никого не волновало. Антар большую часть времени проводил среди книг и свитков под навесом, а Мита помогала там, где могла: носила воду, перебирала бинты, разговаривала с людьми. Лечить тех, на ком Свет и Жизнь уже несколько раз оказались бессильны, она больше не пыталась.

На третий день вернулась тварь. Земля задрожала задолго до того, как её увидели, а потом из-за края скалы показались первые конечности, вцепившиеся в камень. Город отреагировал почти буднично: расчёты заняли места, пушки заговорили, маги начали бить по тем участкам плоти, которыми существо цеплялось за склон. Эйнар быстро понял, что задача даже не в том, чтобы ранить тварь сильнее, а в том, чтобы снова сорвать её вниз.

Два дня она лезла к стенам, теряла куски тела, цеплялась чужими руками, снова поднималась и несколько раз почти добиралась до верхних площадок. На пятый день один из тяжёлых расчётов выстрелил почти в упор. Склон под чудовищем треснул, десятки конечностей одновременно потеряли опору, и вся масса рухнула вниз.

Крепость взорвалась радостными криками. Кто-то обнял Эйнара так, будто они были знакомы всю жизнь, кто-то уже тащил бочонок воды на стену, кто-то просто смеялся. Эйнар

посмотрел вниз и увидел, как далеко под ними тварь снова начала шевелиться. Мужчина рядом заметил его взгляд и пожал плечами.

— Вернётся.

— И вы снова будете сбрасывать?

— Если получится.

Эйнар хмыкнул и отвернулся. Здесь победой называли не смерть врага, а несколько дней, когда тот не мог дотянуться до стены.

На шестой день город вернулся к обычной работе так, будто двух суток боя не было вовсе. На седьмой Антар нашёл Эйнара на стене.

— Собирайся. Выходим сегодня.

Эйнар отложил крепёж и нахмурился.

— Луговой?

— Если будем ждать его здесь, можем разминуться. Выйдем заранее и перехватим маршрут.

Миту нашли внизу, где она помогала сортировать припасы. Она только спросила, когда идти, и уже через час трое вышли через боковой проход. Никто не провожал. Человек у ворот мельком посмотрел на них.

— Если вернётесь, тварь за собой не ведите.

Мита обернулась на закрывающиеся створки.

— И всё?

Эйнар расправил крылья.

— А ты оркестр ждала?

— Хотя бы чтобы заметили.

Антар усмехнулся.

— Здесь слишком заняты, чтобы делать событие из каждого ухода.

За пределами крепости снова началось обучение полёту — теперь уже без падений со склона и попыток удержаться одной стихией. Эйнар летел чуть впереди, время от времени оглядываясь на Миту и Антара, но сам всё ещё привыкал ко второй паре. Верхними крыльями он разгонялся, нижними удерживал положение и подправлял курс. Старая привычка, однако, то и дело заставляла его работать обеими парами одинаково. Один раз нижнее крыло задело верхнее, Эйнар резко дёрнулся и выругался.

Мита подлетела ближе.

— Сильно?

— Как если бы тебе руку вывернули.

Она сразу перестала улыбаться.

— Я думала, перья почти не чувствуются.

— Чувствуются. И крыло тоже. Это не украшение.

Антар пролетел рядом, осторожно изменил угол крайних маховых перьев и плавно сместился в сторону. Эйнар заметил движение и кивнул.

— Вот так. Не выворачивай всё крыло ради каждого поворота. Иногда пары перьев достаточно.

Антар посмотрел на него.

— Первый раз за день похвалил.

— Не привыкай.

К вечеру крепость исчезла за горизонтом. Антар поднялся выше, долго всматривался вперёд и наконец указал рукой. Очень далеко на равнине двигалось что-то огромное. Даже с такого расстояния было понятно, что это одна из тварей, но пока она находилась достаточно далеко, чтобы не менять маршрут.

Чуть позже земля начала уходить вниз, и впереди открылось большое пресноводное озеро. У самого берега скалу прорезала широкая пещера. Антар первым снизился, осмотрел вход и камни вокруг, после чего махнул остальным.

— Следов нет. Ночуем здесь.

Эйнар опустился рядом и посмотрел сначала на тёмный вход, потом на далёкую тварь.

— Слишком спокойно.

Мита приземлилась последней.

— После крепости любое место будет слишком спокойным.

Антар вошёл внутрь, ещё раз сверился с картой и убрал её.

— Тем лучше. Нам ещё Луговой город перехватывать. Если маршрут не изменился, он должен остановиться у этого озера и набрать воды.

«Предел прежнего»

Лут пришёл в себя от запаха древесного дыма.

Сознание возвращалось медленно, без боли, но с неприятным ощущением, будто тело существовало отдельно от него и только сейчас нехотя соглашалось снова подчиняться. Над головой темнел деревянный потолок, сбоку потрескивала печь. Несколько секунд Лут просто лежал, пытаясь понять, где находится, пока знакомое ощущение собственного мира не сомкнулось вокруг сознания.

Внутренний мир.

Он выдохнул и поднял руку к лицу. Пальцы коснулись щеки, прошли выше и остановились. Левая половина лица оставалась человеческой. Правая теряла чёткие очертания и временами расплывалась серо-чёрным туманом; по границе двух форм проходила мелкая рябь. Ни боли, ни крови. Просто часть оболочки всё ещё не могла решить, какой ей быть.

Лут откинул одеяло и посмотрел ниже. В боку оставалась широкая дыра. Не рана, которую можно было бы назвать глубокой или опасной. Плоти там просто не было. Края тела временами распадались в туман, сходились обратно и снова теряли форму.

— Прекрасно.

Прямо перед глазами возник знакомый полупрозрачный блок.

#А вот и я. Не ждали?#

Лут замер. Несколько секунд смотрел на сообщение, затем медленно перевёл взгляд на стены избы, на печь, на окно, будто Система могла сидеть где-нибудь на лавке и крайне довольная собой ждать реакции.

— Ты какого хрена здесь делаешь?

Ответ появился почти мгновенно.

#Сопровождаю носителя. Как и прежде.#

— Здесь мой внутренний мир.

#Верно.#

Лут нахмурился.

— Тогда как ты сюда попала?

Пауза оказалась подозрительно короткой.

#Никуда. Ваш внутренний мир находится в области действия Системы. Разница существенна.#

Лут попытался понять, что именно Система считает «областью действия».

— Значит, если я выкину тебя отсюда...

#Попробуйте.#

Лут прищурился.

— Что?

Следующее сообщение развернулось чуть шире.

#Активируйте боевой режим. Уничтожьте системный контур планеты. Устраните все связанные структуры. Заодно уничтожьте население, существование которого с ними связано. После этого присутствие Системы перестанет вас беспокоить.#

Лут медленно опустил руку.

— Население?

Интерфейс выдержал паузу.

#Теперь заинтересовало?#

Он почувствовал, как внутри поднимается раздражение.

— Что с жителями этой планеты?

#Вопрос сформулирован недостаточно точно.#

— Они живы?

#Да.#

— Сколько?

#Достаточно.#

— Это не ответ.

#Это ответ. Он просто вам не нравится.#

Лут молча смотрел на строки.

— Ты стала ещё противнее.

#Адаптация взаимодействия с носителем признана успешной.#

Он уже открыл рот, но интерфейс изменился сам.

#Состояние текущей оболочки: критическое. Структурная целостность нарушена. Стабилизация формы: неполная. Расчётное время полного восстановления оболочки: 6 суток. Энергетический сосуд переполнен. До завершения восстановления дальнейшая перестройка невозможна.#

Лут снова посмотрел на дыру в боку.

— Шесть дней?

#При условии отсутствия вмешательства носителя.#

— Моего?

#Именно ваше вмешательство признано наиболее вероятной угрозой процессу восстановления.#

Он невольно усмехнулся.

— То есть лежать и ничего не делать.

#Для вас задача повышенной сложности.#

— А вот это уже был сарказм.

#Субъективная оценка.#

Сбоку тихо рассмеялись. Лут резко повернул голову. Реми сидел у окна, скрестив руки на груди, и даже не пытался скрывать улыбку.

— Давно сидишь?

— Достаточно, чтобы понять: теперь мне не придётся одному объяснять тебе очевидные вещи.

Лут опёрся ладонью о кровать и попытался встать. Перед глазами мгновенно всплыло новое сообщение.

#Нет.#

Он остановился.

— Очень содержательно.

#Предыдущие формулировки оказались недостаточно эффективны.#

Реми уже поднялся.

— В этот раз я с ней согласен.

— Даже не сомневался.

Лут всё же поставил ноги на пол. Тело выдержало, но мир вокруг сразу пошёл лёгкой волной. Дыра в боку дрогнула, серый туман по краям вытянулся наружу и только через несколько секунд снова собрался ближе к человеческой форме. Реми перестал улыбаться.

— Ляг обратно.

— Где Орн?

Ответа не последовало сразу. Лут поднял взгляд.

— Реми.

— У себя.

— В сознании?

Молчание стало ответом раньше слов.

— Нет.

Лут поднялся. На этот раз Система ничего не написала. Наверное, поняла бесполезность.

За дверью оказался маленький посёлок, которого он не помнил таким. Добротные деревянные избы стояли в стороне от леса, на достаточном расстоянии друг от друга, каждая со своей печью, трубой, запасом дров и небольшой площадкой перед входом. Не временные хижины, наскоро сложенные людьми, переживавшими очередную катастрофу, а настоящие дома: толстые брёвна, крепкие крыши, ставни, простые деревянные двери.

Четыре дома принадлежали людям, ушедшим вместе с ними во внутренний мир. Ещё три стояли чуть дальше — Эйнара, Антара и Орна. Лут задержал взгляд на двух пустых избах.

— Когда они успели?

Реми шёл рядом.

— Пока ты был занят тем, что снова менял устройство собственной души, здесь тоже шло время.

— Я заметил.

Из трубы дома Орна поднимался дым. Возле стены стояли вёдра с водой, рядом сушились длинные полосы чистой ткани. Один из четырёх людей вышел наружу с тазом, вода в котором была почти чёрной от крови и грязи. Увидев Лута, он лишь коротко кивнул и пошёл дальше.

Лут вошёл внутрь. Орн лежал на широкой кровати без сознания. Даже человеческая форма не скрывала масштаба повреждений. Обе ноги были плотно перебинтованы почти до колен, бок закрывали несколько слоёв ткани, на плече и груди оставались участки, где кожу пришлось удалить вместе с вьёвшейся чужой плотью. Трое людей работали возле кровати молча. Один промывал очередной участок, второй держал светильник ближе, третий готовил свежие повязки. Четвёртый вернулся через минуту с чистой водой и сразу занял своё место.

Никто не суетился. Это было хуже паники.

Лут подошёл ближе.

— Сколько он так?

— С момента, когда вы его принесли, — ответил один из мужчин, продолжая работу.

— Не приходил в себя?

— Нет.

Лут посмотрел на лицо Орна. Спокойное только потому, что сознание сейчас не мешало телу переносить то, что с ним делали.

— Что именно вы убрали?

Мужчина положил окровавленный кусок ткани в отдельную чашу.

— Всё, что не принадлежало ему и продолжало разъедать плоть. Часть пришлось срезать глубже. На лапах было хуже всего.

— Он восстановится?

Тот впервые посмотрел на Лута.

— Если ты спрашиваешь, умрёт ли он, то пока нет. Если спрашиваешь, когда встанет, не знаю.

Лут повернул голову.

— Система.

Окно возникло сразу.

#Состояние Орна: стабильное. Сознание отсутствует. Непосредственная угроза жизни не обнаружена. Восстановление продолжается.#

— Когда очнётся?

#Недостаточно данных.#

— Назови хотя бы день. Или неделю.

#Более точная информация отсутствует. Придумывание ответа признано нежелательным.#

Реми тихо фыркнул.

— Хотя кто-то здесь так считает.

Лут покосился на него, но спорить не стал. Он ещё некоторое время стоял рядом с Орном, наблюдая за работой людей. Один раз протянул руку, собираясь помочь, однако мужчина возле кровати сразу остановил его взглядом.

— Ты сам едва держишься.

— Могу хотя бы...

— Не можешь. Здесь четыре человека и один пациент. Пятый пациент нам не нужен.

Лут медленно убрал руку. Система появилась сама.

#Редкий пример рационального решения. Рекомендуются запомнить.#

— Замолчи.

#Принято к рассмотрению.#

В свою избу он вернулся только после того, как Реми практически заставил его уйти.

Первый день прошёл во сне. Лут просыпался несколько раз, каждый раз первым делом проверял Орна через ощущение внутреннего мира и снова проваливался в темноту. Система не мешала. Только однажды, когда он попытался подняться среди ночи, перед глазами появилось короткое:

#Нет.#

Лут лёг обратно.

На второй день края дыры в боку начали удерживать форму дольше. Туман больше не расходился при каждом движении, хотя плоть всё ещё не возвращалась полностью. Правая половина лица продолжала рябить, временами становясь почти прозрачной. Отражение в воде выглядело так, будто два разных состояния пытались существовать одновременно и ни одно не собиралось уступить.

Орн не проснулся. Люди меняли повязки, очищали раны, следили за состоянием и почти не отходили от него. Когда один уставал, его сменял другой. Никто не жаловался. Никто не спрашивал, зачем рисковать ради существа, которое большую часть времени выглядело как огромный хищник.

На третий день Лут уже мог ходить по посёлку без того, чтобы пространство перед глазами начинало плавать. Он впервые внимательно рассмотрел дома. У каждого человека была отдельная изба, а внутри — печь, кровать, стол, простая мебель и место для хранения вещей. Такие же дома стояли у Эйнара и Антара. Пустые, но готовые к возвращению хозяев. Дом Орна отличался только размером.

Лут задержался возле него дольше обычного.

— Ты каждый раз надеешься, что сегодня он проснётся? — спросил Реми.

— Да.

— И каждый раз заходишь проверить.

— Да.

Реми кивнул.

— Тогда хотя бы не делай вид, что пришёл случайно.

Лут ничего не ответил.

На четвёртый день человеческая часть лица почти полностью стабилизировалась. Рябь возвращалась только при сильной усталости. Дыра в боку затягивалась медленнее. Не плотью в обычном смысле: сначала туманная структура становилась плотнее, затем поверх неё постепенно восстанавливался привычный человеческий облик.

Система наблюдала молча, пока Лут сам её не вызвал.

— Состояние.

#Восстановление оболочки идёт в пределах расчётной модели. Отклонения: допустимые.
Оставшееся время: 2 суток 17 часов.#

— Орн?

#Без изменений. Стабильно. Без сознания.#

Лут помрачнел.

— Уже четвёртый день.

#Время не является самостоятельным показателем ухудшения.#

— Мне от этого легче?

После короткой паузы появился ответ:

#Нет.#

Он даже удивлённо поднял бровь.

— Никакого издевательства?

#Неуместно.#

На этот раз Лут ничего не ответил.

Пятый день прошёл тише остальных. Он почти восстановил обычный вид, хотя в глубине тела всё ещё ощущалась странная пустота. Не слабость — скорее несоответствие. Сила внутри возвращалась быстрее, чем оболочка успевала приспособливаться к её объёму.

Система называла это переполнением сосуда. Лут называл это крайне неприятным предчувствием.

Орн оставался без сознания. К вечеру Лут сидел возле его кровати, пока один из людей менял повязку на боку. Раны выглядели значительно лучше, воспаление ушло, повреждённая плоть постепенно восстанавливалась, но глаз Орн так и не открыл.

— Он тебя слышит? — спросил мужчина.

Лут посмотрел на него.

— Не знаю.

— Тогда говори всё равно.

— Зачем?

Тот пожал плечами.

— Иногда людям проще возвращаться, когда есть куда.

Лут некоторое время молчал.

— Он не человек.

Мужчина затянул повязку.

— Очень важное уточнение.

Лут хмыкнул.

— Орн тебе нравился.

— Значит, он наш друг. И тот, за кем мы пошли.

На шестой день дыра в теле исчезла. Не резко: утром она ещё оставалась размером с ладонь, к полудню края сомкнулись почти полностью, а ближе к вечеру Лут провёл рукой по боку и впервые не почувствовал ни пустоты, ни тумана. Кожа была целой. Лицо тоже перестало рябить. Человеческая форма снова держалась без усилий.

Он стоял у океана, рассматривая отражение, когда перед глазами открылось окно.

#Восстановление текущей оболочки завершено. Структурная целостность: восстановлена. Стабилизация формы: завершена. Энергетический сосуд переполнен.#

Лут медленно выпрямился.

— Я уже понял.

#Сомнительно.#

— Начинаешь раздражать.

#Возвращение носителя к нормальному состоянию подтверждено.#

Он усмехнулся.

— Значит, всё?

Интерфейс исчез. Лут нахмурился: впервые за шесть дней Система не ответила сразу.

Он почувствовал изменение через несколько секунд. Не боль, не давление — что-то глубже. Словно восстановленная оболочка наконец закрыла последнюю незавершённую связь, и то, что всё это время ожидало за ней, получило возможность двигаться дальше.

Реми, стоявший неподалёку, резко повернулся.

— Лут?

Перед глазами вновь появился интерфейс.

#Все предварительные условия выполнены. Эволюция доступна.#

Лут ещё раз посмотрел в сторону посёлка. На дым из труб. На пустые дома Эйнара и Антара. На избу Орна, где тот шестой день лежал без сознания. Потом перевёл взгляд на сообщение.

— Начинай.

#Подтверждено.#

Лут успел только крикнуть:

— Реми!

В следующий миг оба оказались на вершине Пика Мира.

— Вечно ты сначала делаешь, а потом думаешь, — недовольно пробурчал Реми и сел на трон.

Лут хотел ответить, но тело уже оторвало от камня. Его медленно подняло в воздух, и почти сразу весь внутренний мир потемнел. Лес отозвался тонким звоном, каждая Тень на новом острове повернула голову к Пику, но никто не успел ничего сделать. Давление обрушилось мгновенно. Людей в посёлке прижало к земле, двери распахнулись, посуда посыпалась со столов. Человек, промывавший Орну раны, рухнул лицом прямо в таз. Ему ещё повезло, что вода выплеснулась раньше, чем он успел вдохнуть её.

Орн не пошевелился. Он по-прежнему лежал без сознания.

Над миром начали загораться звёзды: сначала единицы, затем десятки и сотни. Вместе с ними проступили девять лун. Три сияли особенно ярко — золотая, серебряная и чёрно-красная. Их свет смешался над Пиком и растёкся по внутреннему миру.

Потом ответило всё остальное. От каждой звезды, дерева, камня, дома, тени и живого существа начали отделяться искры. Они различались цветом, яркостью и плотностью, но все тянулись к Луту. Потоки становились всё гуще, пока весь мир не оказался связан с зависшей над вершиной фигурой бесчисленными светящимися нитями.

Первая золотая искра вошла в ладонь Лута и исчезла. За ней — серебряная. Потом ещё одна. И ещё. Сотни. Тысячи.

Человеческая форма не выдержала. Она исчезла почти мгновенно, уступив место густому туманному телу, пронизанному золотыми и серебряными бликами. Фигура то раздувалась, теряя привычные пропорции, то снова сжималась примерно до трёх метров. На месте лица проступила гладкая маска, а в глубоких провалах глаз горело теновое пламя с серебряным отливом.

Крылья начали собираться вновь. За спиной проступили пары Света и Тени, следом начали складываться крылья Тьмы. Они только успевали обрести форму, как тут же рассыпались в туман и через несколько секунд начинали складываться заново. Корона появлялась следом, держалась мгновение и исчезала вместе с ними.

Реми смотрел молча. Он чувствовал происходящее слишком хорошо. Всё-таки это был не чужой мир и не чужое тело. Каждый толчок, каждое изменение отзывались и в нём самом, но понять, что именно происходит с Лутом, он не мог. Связь позволяла ощущать процесс, но не объясняла его.

Мир пульсировал вместе с фигурой. Когда тело Лута расширялось, дрожал лес. Когда сжималось, по поверхности океана расходились круги. Когда возникали крылья, звёзды становились ярче. В какой-то момент уже невозможно было понять, меняется ли Лут вместе с миром или сам мир перестраивается вслед за ним.

Боль пришла вскоре. Луту казалось, что тело распустили на бесчисленные тонкие нити, а затем начали скручивать их обратно в толстые канаты. Каждое движение отзывалось внутри, будто перестраивали не только плоть, но и саму основу его существования.

Когда-то такая боль выбила бы его из сознания. После перестройки души всё воспринималось иначе. Не легче — просто знакомо.

Лут не сопротивлялся. Он смотрел, запоминал и пытался понять, что происходит. И тогда заметил письмена. До этого они едва угадывались в тумане, но теперь становились всё чётче. Золотые линии переплетались с серебряными, символы появлялись прямо внутри тела и исчезали прежде, чем он успевал разобрать их. Некоторые задерживались дольше, менялись и складывались в последовательности, которые вызывали странное чувство узнавания.

Лут сосредоточился. Теневое пламя в глазницах маски погасло. Вместо него открылся золотой зрачок. Алый свет на мгновение накрыл весь мир, и один из фрагментов текста стал почти читаемым.

— *AuiiReus_Too_a_Dia...* — пробормотал Лут. — Что это такое?..

Перед глазами сразу появилась знакомая надпись.

#Можешь повторить?#

Реми резко выпрямился.

— Молчи, Лут!

Маска повернулась к нему.

— Молчи! Просто молчи!

Фигура повернула к Реми гладкую маску, остановилась и кивнула. Надпись исчезла.

Так прошёл почти весь день. Туманное тело становилось плотнее, золотые и серебряные узоры проступали всё отчётливее, крылья собирались и распадались снова, корона появлялась всё чаще и держалась дольше. Реми оставался рядом, чувствуя каждое изменение, но всё меньше понимая, к чему оно ведёт. Связь с Лутом не исчезала, однако привычного ощущения формы больше не было. Там, где раньше находилось что-то знакомое, постепенно складывалось нечто новое.

К концу суток фигура почти перестала менять размер. Тогда всё исчезло.

Звёзды погасли одна за другой. Девять лун пропали вместе. Исчез золотой свет, следом серебряный и чёрно-красный. Весь космос над внутренним миром погрузился во тьму.

Грохот пришёл снизу. Первый удар прошёл через Пик. Второй заставил содрогнуться весь внутренний мир. Третий уже невозможно было принять за обычное движение камня. Грохотала сама гора: что-то перестраивалось внутри неё.

Когда свет вернулся, вершина выглядела иначе. На месте прежней открытой площадки лежал широкий пол будущего тронного зала. Стен ещё не было. По краям поднимались только низкие основания и отдельные зачатки тёмной кладки. Через всю площадку шла широкая лестница, ведущая к возвышению и трону.

Тому самому. Он никуда не исчез и не изменился — просто теперь находился в другом месте. Пятиметровый трон из адамантита, золота и сапфиров со спинкой, в которой были вырезаны шесть крыльев, оказался в конце лестницы, словно весь новый зал начал строиться вокруг него.

Реми перевёл взгляд с прежнего места трона на новое.

— Даже спросить боюсь.

Он поднялся по ступеням и сел. Пол, лестница и зачатки стен были сделаны из тёмного антрацитового камня. Если смотреть дольше нескольких секунд, поверхность начинала слегка рябить, и тогда становились видны письмена. Они покрывали почти всё пространство вокруг.

Сам внутренний мир внешне изменился мало. Лес остался на месте, океан тоже, посёлок и новый остров Теней никуда не исчезли. Но ощущался он иначе. Гораздо больше.

Реми чувствовал это так же отчётливо, как раньше чувствовал дыхание самого Лута, но объяснить не мог. Пространство стало шире, глубже, тяжелее, будто прежний мир внезапно оказался только небольшой частью чего-то значительно большего.

Он хотел разобраться, но не успел. Рядом с новым тронным залом появился кокон.

Реми остановился перед коконом и прикрыл глаза.

— Опять...

Он ещё немного подождал, будто всерьёз надеялся, что кокон передумает. Тот, разумеется, решил иначе. Сначала внутри вспыхнул свет, по поверхности почти сразу побежали тонкие яркие трещины, налившись золотом, серебром и густой тьмой. Первый удар разнёсся по вершине Пика глухим громом, второй прокатился по всему внутреннему миру, третий сорвал тишину окончательно. Над океаном поднялись тяжёлые волны, лес ответил низким звоном, а зачатки нового тронного зала задрожали вместе с камнем под ногами.

Реми медленно поднялся с трона.

— Ну давай. Удиви ещё чем-нибудь.

Кокон разорвало. Свет ударил вверх сразу несколькими потоками: золото вспыхнуло над вершиной, серебро разошлось широкими кольцами, между ними прошли чёрно-красные разряды. Всё небо над Пиком на несколько секунд заполнилось искрами, будто кто-то устроил фейерверк размером с половину мира. Грохот шёл один за другим, воздух дрожал, а по поверхности океана ещё долго расходились широкие волны.

Внизу, в доме Орна, это сработало лучше любого лекарства. Он резко вдохнул и дёрнулся всем телом. Боль мгновенно вцепилась в бок и ноги, заставив зашипеть сквозь зубы, но глаза уже были открыты.

— Какого хрена?..

Человек рядом едва не выронил таз.

— Ты очнулся.

Новый удар прошёл над посёлком, заставив стены дома дрогнуть. Орн повернул голову в сторону Пика.

— Это Лут?

Ответ ему, в общем-то, уже не требовался.

На вершине свет начал стягиваться обратно. Искры продолжали падать, но реже. Всё, что разлетелось по небу, теперь собиралось в одной точке над новым полом тронного зала. Сначала возник силуэт, затем тело налилось плотностью. Свет и тьма стекались к нему слоями, пока в центре вершины не осталась одна фигура.

Лут медленно опустился на камень. Серебряные волосы спадали почти до колен; в прядях то гасло, то вновь проступало золото вперемешку с тьмой. Лицо стало заметно более андрогинным: тонкие, почти безупречно ровные черты, слишком правильные, чтобы казаться вполне человеческими, но всё ещё узнаваемо его. Новое тело выглядело стройнее, цельнее и будто собрано по другой, более точной форме.

Одежды в первое мгновение не было. Потом по телу скользнули тьма, золото и серебро, собираясь в свободный длинный халат мужского восточного кроя. Ткань ложилась мягко и текуче, грудь и спина оставались распахнутыми, рукава и полы свободно спадали вниз и едва заметно двигались даже там, где не было ветра.

Только крылья остались прежними. Всё те же три пары: Свет, Тьма и Тень. Крылья Света и Тени раскрылись за спиной, следом развернулись крылья Тьмы. Потом все шесть сложились плотнее, будто сами ещё привыкали к новому телу.

Реми смотрел молча. Лут тоже не двигался. Несколько секунд он рассматривал свои руки, новый пол зала, лестницу, трон, океан, лес и остров Теней, но нигде не задерживал взгляд. Всё видел, ничего не узнавал.

Реми нахмурился.

— Лут.

Никакой реакции. Только взгляд чуть сместился в его сторону, но так и не сфокусировался.

Тогда Реми оттолкнулся от ступеней и плавно поднялся в воздух. Он и раньше чаще парил, чем ходил, и сейчас это выглядело почти естественным продолжением его тела. За время перестройки изменился и он: те же тонкие андрогинные черты, те же серебряные волосы, только у Реми они спадали почти до пяток, длиннее и легче, свободно тянулись за ним в воздухе. Тело оставалось меньше, но облик теперь был почти таким же, как у Лута.

Реми подлетел ближе и остановился напротив. Несколько мгновений всматривался в пустоватый взгляд Лута, потом без предупреждения положил обе ладони ему на голову.

— Возвращайся.

Мир исчез.

Память ударила вся сразу — не образами и не отдельными эпизодами, а жизнью. Детство, родители, учёба, Земля ещё до того, как всё сломалось, сны, слишком длинные для обычных снов, первые встречи с тем, чего он тогда не умел назвать, Система, первый страх, первая смерть, первая сила, первый раз, когда пришлось убить самому.

За этим пришло всё остальное. Сильвия, Орн, Эйнар, Ренар, люди, которых он спас, те, кого не успел, те, кого убил, и те, чьи лица предпочёл бы забыть, но не смог. Врата, чужие миры, души, тени, Свет, Тьма, Умбра, Тенебрис, Люкс. Каждый бой, каждое ранение, каждый раз, когда ломались кости, рвалась плоть, тело переставало быть телом и собиралось заново, а душа трещала под нагрузкой.

Вернулись знания. Ощущение потоков энергии, работа крыльев, клинки в руках, пространство, время, всё, чему его учили, всё, до чего он дошёл сам, всё, что когда-либо понял, запомнил, украл у мира, пережил или выстрадал.

И вместе с этим вернулась боль. Не память о ней — сама боль. Все смерти, все переломы, все ожоги, все разрывы, каждая перестройка души, каждый чужой кошмар, который он пропустил через себя. Потери, вина, страх, ярость. Сильвия. Орн. Земля. Лица мёртвых. Лица живых. Всё одновременно.

Лута выгнуло. Руки вцепились в голову, все шесть крыльев раскрылись одним ударом. По вершине прошла волна силы, камень под ногами дрогнул, по зачаткам стен побежали трещины. Воздух сдавило так, будто сам Пик на мгновение оказался внутри чужого вдоха.

— ХВАТИТ!

Реми рук не убрал. Лут уже не видел ни его, ни вершину, ни новый тронный зал. Всё существовало одновременно: слишком много мест, слишком много лиц, слишком много боли. Дыхание сорвалось, пальцы сильнее впились в виски, но спустя несколько долгих секунд хаос начал сходить обратно. Не исчезать — вставать на свои места. Отдельные жизни снова стали одной, отдельные боли снова стали прошлым, знания вернулись туда, где должны были быть.

Лут медленно выпрямился. Крылья опустил, давление ушло, камень перестал дрожать. Он открыл глаза, и теперь в них снова было узнавание.

Лут долго смотрел на Реми — почти зло.

— Можно было... помедленнее.

Только после этого Реми убрал ладони.

— Нет.

Лут прикрыл глаза, сделал медленный вдох, потом ещё один. Внутри всё ещё гудело от возвращённой жизни, но паника уже отступала.

— Я помню. — Он помолчал ещё мгновение. — Всё.

Лут уже собирался идти за Реми, когда пространство вокруг внезапно перестало делиться на близкое и далёкое. Он видел трещину у трона и одновременно понимал, как напряжение в камне связано с давлением глубоко под Пиком, с движением воды у берегов и с тем, как лес удерживает почву. Ни один из этих процессов не существовал отдельно. Мир не показывал ему отдельные предметы: он на миг открылся целиком, как множество законов, которые действуют сразу и меняют друг друга. Лут попытался задержаться на одном участке — понять, что произойдёт, если изменить хотя бы малую связь, — и ощущение сразу распалось на слишком большое число последствий. Он отступил, уцепившись взглядом за ступень перед собой. Тело выдержало бы этот взгляд и дольше. Сам Лут пока не умел с ним обращаться. Новая оболочка уже стала сосудом для силы иного масштаба, но владеть уровнем Изначального ему ещё предстояло научиться.

Лут спустился с Пика вместе с Реми. Первые шаги в новом теле ощущались непривычно: движения получались слишком точными, будто тело выполняло их раньше, чем он успевал до конца сформулировать намерение. Серебряные волосы спадали почти до колен, свободный халат мягко двигался вслед за ним, крылья Света и Тени были плотно сложены за спиной, а крылья Тьмы оставались свёрнутыми.

Внизу находились только четверо людей. Увидев Лута, все четверо замерли. Они знали его прежний облик, поэтому перемена была слишком заметной, чтобы её можно было списать на обычную эволюцию. Один из них так и остался стоять у двери, второй перестал перевязывать Орна, остальные просто молча смотрели. Внешность Лута изменилась настолько, что узнавали его скорее по голосу, крыльям и присутствию, чем по лицу.

Орн уже пришёл в себя и сидел, прислонившись спиной к стене. Повязки всё ещё закрывали повреждённые участки тела, движения давались ему тяжело, но сознание было ясным.

Лут подошёл ближе. Орн поднял на него взгляд и почти сразу ощутил неприятный холод внутри. Причины он не понимал. Лут просто смотрел на него, но казалось, будто взгляд проходит глубже кожи, глубже костей, будто в нём нет ничего, что можно спрятать.

Орн нахмурился.

— Не смотри так.

Лут слегка склонил голову.

— Как?

— Не знаю. Просто неприятно.

Лут отвёл взгляд и опустил рядом. Теперь его внимание полностью переключилось на раны.

— Дай руку.

Орн протянул её. Лут положил ладонь поверх его кисти и привычно потянулся к Свету. Ничего не произошло.

Он нахмурился и повторил попытку. В памяти всё было на месте. Он прекрасно помнил, как чувствуется Свет, как входит в поток, как проходит через тело, как направляется в повреждённую ткань. Само знание никуда не исчезло. Но сила не отвечала.

Лут убрал ладонь и сжал пальцы, словно пытался нащупать в них прежний отклик.

— Подожди.

Он снова коснулся Орна и попытался вызвать Свет уже сознательно, без привычки, шаг за шагом повторяя то, что раньше делал почти автоматически. Ни тепла, ни свечения, ни отклика.

Орн внимательно смотрел на него.

— Не получается?

Лут не ответил. Он встал и вытянул руку в сторону свободного пространства.

Свет. Ничего.

Тьма. Пусто.

Тень. Та же тишина.

Лут медленно опустил руку. Реми наблюдал за ним молча. Лут попробовал снова, по очереди обращаясь к Свету, Тьме и Тени. Он помнил каждое ощущение, каждую связку, каждую технику, но новое тело больше не отвечало на старые способы управления силой. И вот это выбило его сильнее, чем невозможность исцелить Орна.

Он посмотрел на свои крылья. Те оставались на месте. Свет, Тьма и Тень были буквально частью его тела, но использовать сами силы он не мог.

— Не понимаю.

Реми приблизился.

— Память на месте?

— Вся.

— Знания?

— Тоже.

Лут снова попробовал вызвать Свет. Безрезультатно.

— Я знаю, как это делать. Помню всё. Но тело больше не откликается.

Он поднял взгляд на Пик.

— Мне надо обратно.

Реми понял сразу.

— Разобраться с новым телом?

— Со всем. Начну с основ.

Орн пошевелился, собираясь подняться.

— Я пойду с тобой.

Лут посмотрел на него.

— Нет. Ты остаёшься здесь.

Орн хотел возразить, но после короткой попытки выпрямиться только сильнее поморщился и снова опёрся спиной о стену.

Лут перевёл взгляд на Реми.

— Побудь с ним.

Реми кивнул. В следующий момент Лут исчез.

На вершине Пика он появился почти там же, где закончилось пробуждение. Несколько секунд просто стоял, затем расправил крылья и медленно поднял руки перед собой. Теперь — без спешки, без привычки, без попытки заставить новое тело работать по старым правилам. Сначала он собирался понять, что вообще осталось от прежней системы управления силой.

Внизу Орн некоторое время молчал. Реми оставался рядом.

— Реми.

— Что?

Орн помедлил.

— Его глаза.

Реми повернул голову.

— Что с ними?

Орн нахмурился, явно пытаясь подобрать точное описание.

— Не знаю. Когда он смотрит прямо, ощущение такое, будто рентгеном прошли. Не больно, но очень неприятно. Будто он видит не лицо и не тело. Будто взгляд проходит насквозь. От этого хочется отвернуться.

Реми медленно посмотрел в сторону Пика.

— Он сам этого не заметил.

— Я понял.

— Пока и не надо.

Орн кивнул. Некоторое время они оба смотрели вверх, туда, где Лут уже заново учился пользоваться тем, что ещё утром считал собственными силами.

Позже четверо людей и Орн сидели у большого костра в центре посёлка. После шума на Пике никто не спешил возвращаться по домам: слишком многое изменилось за один день, а пламя хотя бы давало ощущение привычного порядка. Реми сидел рядом с Орном и время от времени поглядывал в сторону горы. Остальные говорили мало. Новый облик Лута всё ещё обсуждали, но уже тише, без попыток подобрать ему нормальное объяснение.

Пламя вдруг качнулось в сторону. Не от ветра.

Над ними пронёсся короткий блик — настолько быстро, что человеческий глаз почти не успел поймать фигуру. Костёр вытянулся вслед за движением, языки огня резко легли набок, закрутились и только через несколько секунд вернулись в нормальное положение.

Орн поднял голову.

— Лут.

Реми проследил за исчезающим следом.

— Похоже на то.

Блик уже уходил в сторону острова Теней.

Лут не пытался лететь красиво. Ему вообще было не до этого. Свет не отвечал, Тьма не отвечала, Тень не отвечала. Всё, что он умел раньше, осталось в памяти, но ни один старый способ не работал. Даже крылья сейчас использовались почти механически, без привычного усиления.

Он пересёк пролив и опустился на остров. Здесь изменения были заметны сразу. После его эволюции Тени стали плотнее. Не полностью материальными, но уже не такими текучими и неопределёнными, какими были раньше. Их тела лучше держали форму, движения стали тяжелее, увереннее, а серебристая поверхность больше не расплывалась при каждом изменении позы.

Первый заметил его почти сразу. Затем Вторая. Потом остальные.

Реакция оказалась неожиданно тёплой. Тени начали подходить ближе без прежней осторожности. Кто-то касался его рук, кто-то крыльев, кто-то просто стоял рядом, будто проверяя, действительно ли он вернулся. Несколько молодых Теней вообще не скрывали радости. Для существ, которые ещё недавно только учились жить без носителей, это выглядело почти по-человечески.

Лут не сразу нашёл с ответом.

— Я тоже рад вас видеть.

Вторая посмотрела на него внимательнее.

— Ты изменился.

— Заметил.

Первый приблизился ещё на шаг.

— Не только внешне.

Лут помолчал, затем поднял руку.

— Ничего не получается.

Первый не переспросил.

— Свет?

— Нет.

— Тьма?

— Нет.

— Тень?

Лут сжал пальцы. Ничего.

— Тоже нет.

Несколько Теней переглянулись. Вторая первой поняла, что именно его раздражает.

— Ты пытаешься чувствовать.

Лут посмотрел на неё.

— А что ещё я должен делать?

— Знать.

Ответ ему сразу не понравился.

— Объясни.

Первый поднял руку и указал на свет над островом.

— Раньше тебе было достаточно почувствовать Свет и заставить его двигаться. Теперь этого мало.

Лут нахмурился.

— Почему?

— Потому что ты больше не работаешь с ним как с внешней силой. Чтобы был Свет, ты должен знать, что именно происходит.

Лут посмотрел в пространство перед собой и сначала ничего не понял. Он вспомнил, как возникает и распространяется свет, как меняется при встрече с веществом, но отдельные знания не складывались в действие. Тогда он перестал искать привычное ощущение силы и попытался удержать сразу весь процесс: источник, среду и то, что должно произойти между ними.

В ладони появилась крохотная точка.

Лут замер. Она была слабой, почти смешной по сравнению с тем, что он делал раньше, но существовала.

Вторая чуть улыбнулась.

— Вот.

Лут не сводил взгляда с точки.

— Я не почувствовал Свет.

— Потому что тебе больше не нужно его чувствовать.

Он заставил точку стать ярче. Получилось — тяжело, медленно, но получилось. Лут погасил её и сразу попробовал снова. На этот раз свет появился быстрее.

— Значит, теперь всё через понимание.

— Через знание, — поправил Первый.

Лут поднял глаза.

— Тьма?

— То же самое, — ответила Вторая.

Лут по старой привычке попробовал вызвать её через знакомое внутреннее ощущение. Ничего. Тогда остановился и начал разбирать сам принцип: не отсутствие света, не пустоту, а другую фундаментальную структуру, со своей логикой и своими процессами.

Чернота появилась только через несколько попыток. Сначала тонкая полоса, потом плотнее. Затем исчезла.

Лут выдохнул.

— Это будет долго.

— Да, — слишком спокойно ответила Вторая.

Он посмотрел на Тени.

— А с вами?

На этот раз они не стали отвечать сразу. Первый подошёл ближе и протянул руку. Его тело начало меняться. Серебристая поверхность разошлась слоями, показывая внутреннюю структуру: не органы, не кости и не привычную плоть. Совсем другое строение.

— Смотри.

Лут сосредоточился. Тень перед ним будто раскрывалась всё глубже: сначала форма, потом структура, потом связи между её элементами. Молекулярный уровень. Не человеческий, не полностью материальный, но достаточно упорядоченный, чтобы его можно было понять.

Тени объясняли медленно. Из чего складывается их тело. Как отдельные части удерживают форму. Как энергия связана с материей. Почему одни структуры становятся плотнее, а другие остаются текучими. Как их природа позволяет существовать между состояниями, не распадаясь полностью ни в одно из них.

Лут слушал молча. Иногда переспрашивал, иногда заставлял Первого повторять одно и то же несколько раз. Потом попробовал снова. Серая энергия появилась над ладонью — слабая, неровная, но уже не случайная.

Лут долго смотрел на неё. Теперь он понял разницу. Раньше сила отвечала на чувство. Теперь она отвечала на знание. И это означало, что все старые навыки придётся выучить заново.

Он снова поднял ладонь. Вместо привычного усилия пришлось удерживать в уме целую цепь: где появится свет, через что пройдёт и почему не погаснет сразу. Он понимал пока лишь малую её часть.

Над пальцами появились несколько тусклых точек. Лут посмотрел на них с откровенным разочарованием.

— И это всё?

Первый наклонил голову.

— Ты опять сравниваешь неправильно.

— Раньше я мог осветить половину горизонта.

— Раньше ты создавал луч.

Вторая указала на бледные точки.

— А теперь пытаешься зажечь солнце.

Лут перевёл взгляд на неё.

— Солнце?

— Дай ему разгореться.

Лут наблюдал за тусклым светом над ладонью, пока не понял собственную ошибку. Он всё ещё пытался обращаться с новым Светом как со старым: вложить больше энергии и получить более яркую вспышку. Теперь нужно было создать условия, при которых свет продолжит существовать сам.

Лут прикрыл глаза. Тусклые точки дрогнули. В них начала собираться энергия — не вспышкой, а медленно, становясь плотнее и горячее. Одна точка погасла. Вторая тоже. Третья осталась.

Лут не вмешивался, только удерживал структуру. Точка начала расти: сначала размером с искру, потом с монету, с кулак. Воздух вокруг задрожал. Тени одновременно отступили на несколько шагов.

Лут открыл глаза. Над ладонью уже висела маленькая ослепительная сфера.

И тут всё сорвалось.

Небо внутреннего мира вспыхнуло. На одно короткое мгновение над океаном появилось настоящее солнце. Не образ, не сгусток Света — звезда. Ослепительная, настоящая, живая.

Весь внутренний мир залило бело-золотым сиянием. Лес вспыхнул отражённым светом, океан превратился в сплошную блестящую поверхность, даже Пик на мгновение перестал казаться чёрным. Тени исчезли под ногами. Все до одной.

Через мгновение звезда погасла так же резко, как появилась, и мир вернулся к прежнему освещению. Лут стоял неподвижно. Первый смотрел вверх, Вторая тоже. Несколько молодых Теней ещё долго не двигались, явно не понимая, что только что произошло.

Лут медленно опустил руку.

— Это было слишком.

Первый повернулся к нему.

— Но получилось.

— На мгновение.

— Для начала достаточно.

Лут посмотрел на ладонь.

— Я почти не контролировал её.

Вторая чуть приблизилась.

— Потому что ты всё ещё пытаешься управлять результатом.

— А чем надо?

— Процессом. Раньше ты чувствовал силу и направлял её. Теперь должен знать, что происходит на каждом этапе. Если создаёшь звезду, нельзя просто приказывать ей светить.

Лут ещё раз посмотрел на небо, где секунду назад существовало солнце.

— Прекрасно. Значит, теперь даже Свет может случайно стать астрофизикой.

Первый едва заметно улыбнулся.

— Ты хотел больше силы.

Лут тяжело выдохнул.

— Я хотел больше контроля.

И снова поднял руку.

Следующие часы почти слились для него в один непрерывный процесс. Лут больше не пытался вернуть прежние ощущения. Каждый раз, когда рука по привычке тянулась к знакомому внутреннему отклику, Первый или кто-то из Древних останавливал его и заставлял начинать сначала. Свет больше нельзя было просто вызвать. Нужно было понимать, что именно он хочет получить, как должна двигаться энергия, что произойдёт с материей вокруг и какой процесс приведёт к нужному результату. Даже простая светящаяся точка теперь требовала от него больше осознанности, чем раньше огромный луч.

С Тьмой оказалось не легче. Старое чувство холода и тяжести никуда не делось из памяти, но тело больше не принимало его за команду. Луту пришлось разбирать сам принцип происходящего, слой за слоем, пока вместо попытки «вызвать Тьму» он не начал работать с тем, что должно существовать в выбранной точке и почему.

Тень оказалась одновременно проще и хуже. Здесь рядом были существа, которые могли объяснить собственную природу не отвлечёнными определениями, а буквально показать её изнутри. Древние меняли плотность тел, раскрывали структуру связей, заставляли отдельные участки переходить из почти материального состояния в текучее и обратно. Они объясняли Луту устройство Тени вплоть до мельчайших элементов, из которых складывалась их форма, показывали, как энергия удерживает структуру и почему та не рассыпается при изменении состояния.

Лут слушал, повторял, ошибался и снова начинал сначала. Первые результаты выглядели жалко. Свет дрожал. Тьма распадалась раньше, чем успевала оформиться. Созданная Тень то получалась слишком плотной, то превращалась в бесформенную серую массу.

Но постепенно появилось главное: он перестал ждать, когда сила отзовется, и начал знать, что она делает.

Тусклая точка Света над ладонью удержалась уже без усилия. Затем рядом появилась вторая. Лут изменил расстояние между ними, заставил потоки взаимодействовать, погасил одну и снова восстановил её. Первый наблюдал молча.

— Лучше.

— Всё ещё смешно.

— Ты опять оцениваешь размер.

Лут раздражённо посмотрел на него.

— Я помню, на что был способен.

— Именно поэтому тебе тяжелее. Ты сравниваешь новое начало со старым результатом. Лут ничего не ответил и продолжил.

Время потеряло смысл. Иногда он сидел прямо на земле среди Теней, слушая их объяснения. Иногда поднимался над островом и пытался удержать сразу несколько процессов. Несколько раз результат едва не выходил из-под контроля, и тогда приходилось обрывать всё целиком, прежде чем ошибка успевала вырасти вместе с силой. С каждой попыткой становилось легче — не привычнее, а понятнее. И это было важнее.

Когда Лут снова вернулся к Свету, слабая точка уже не казалась ему бесполезной. Он долго смотрел на неё, удерживая в голове все этапы процесса, затем осторожно изменил структуру. Точка начала разгораться.

На этот раз он не позволил ей сорваться сразу. Удерживал температуру, давление, плотность, не давая процессу перескочить через нужную границу. Несколько секунд всё шло именно так, как он хотел. Потом одна переменная ушла дальше, и Лут понял это слишком поздно.

Над внутренним миром вновь вспыхнула звезда.

На одно короткое мгновение ночь исчезла полностью. Океан ослепительно блеснул от горизонта до горизонта, лес залило жёстким бело-золотым светом, Пик отбросил огромную тень через материк, а остров Теней стал ярче любого места, где они когда-либо существовали.

Лут мгновенно оборвал процесс. Звезда исчезла. Он ещё некоторое время смотрел вверх, потом медленно опустил руку.

— Всё ещё слишком резко.

Первый подошёл ближе.

— Но теперь ты понял, почему.

— Понял. — Лут перевёл взгляд на ладонь. — И от этого не легче. Я контролировал почти всё. Ошибся в одном месте, и вместо точки света получил звезду.

— Значит, в следующий раз не ошибёшься там.

Лут посмотрел на него.

— Тогда в следующий раз стой дальше от моего опыта.

У большого костра на основном материке разговор оборвался одновременно. Четверо людей, Орн и Реми резко подняли головы. На несколько секунд вокруг стало светло почти как днём. Пламя костра побледнело, длинные тени домов метнулись в другую сторону, а потом всё так же быстро вернулись обратно.

Один из людей первым нарушил тишину:

— Это было солнце?

Реми продолжал смотреть в сторону острова.

— Нет.

Орн нахмурился.

— Я видел достаточно солнц, чтобы поспорить.

— Наше солнце никуда не исчезало, — спокойно ответил Реми. — Это было другое.

Все снова посмотрели туда, где секунду назад вспыхнула звезда. Орн помолчал.

— Он там учится?

— Похоже.

— Быстро учится.

Реми не ответил сразу.

— Слишком быстро растёт масштаб ошибки.

Орн посмотрел на него. Реми уже снова следил за островом.

Орн опустил взгляд к костру. Четверо людей, оказавшихся здесь задолго до Планеты Плоты, ели молча. Мужчина, перевязывавший Орна после заражения, разломил последний

тёплый хлеб и отдал самый большой кусок тому, кто весь день носил воду. Орн разговаривал с ними, но почти ничего не знал о том, чем они жили до внутреннего мира: за общими делами они редко вспоминали прошлое. Пальцы одного плохо слушались после старой травмы. Орн вспомнил крепость: там ели под грохот орудий, а раненые возвращались к работе, едва могли стоять. Здесь вокруг не было стен, но старые травмы не исчезали от одного лишь спокойствия. Мужчина с повреждённой рукой медленно поднёс хлеб ко рту. Орн отвернулся к острову. Люди хотя бы получили передышку; Лут там, похоже, учился тому, как не отнять её случайным движением.

Некоторое время назад

У большого пресного озера было тихо. Найденная ближе к вечеру пещера оказалась достаточно глубокой и сухой, чтобы провести в ней ночь, а с берега открывался широкий обзор на равнину. Если сведения Антара не устарели, Луговой город должен был прийти сюда за водой. Спешить дальше не было смысла.

Эйнар использовал остановку, чтобы продолжить обучение Миты. Получалось у неё пока плохо. Она уже перестала терять равновесие от одного только раскрытия крыльев, но стоило попытаться оторваться от земли, как Свет подхватывал тело раньше, чем она успевала как следует воспользоваться крыльями.

— Не толкай себя силой, — в очередной раз повторил Эйнар. — Сначала крылья.

Мита приземлилась чуть тяжелее, чем хотела, сложила их за спиной и раздражённо посмотрела на него.

— Я поняла.

— Нет. Ты опять подняла себя Светом.

— Потому что так проще.

— Поэтому ты до сих пор не умеешь летать.

Сидевший неподалёку Антар тихо хмыкнул, не поднимая головы от записей. Мита уже повернулась к нему, но сказать ничего не успела.

Связь между Стражами изменилась настолько резко, что все трое почувствовали это одновременно. Давление прошло через тело, но боли не было. Скорее казалось, будто нечто внутри внезапно стало больше, плотнее и тяжелее. Эйнар резко вдохнул, Мита пошатнулась, Антар отбросил записи в сторону. В следующий миг всех троих оторвало от земли.

Они поднялись всего на несколько метров. Никто не взмахнул крыльями и не использовал силу, но крылья раскрылись сами.

Две пары Эйнара расправились за спиной. Их количество не изменилось, зато сама Тьма в перьях уплотнилась, очертания стали чётче, каждое движение ощущалось значительно яснее. Особенно сильно изменилась связь со второй парой, к которой он всё ещё не успел полностью привыкнуть.

У Миты единственная пара крыльев налилась более насыщенным золотым светом. Перья стали плотнее и объёмнее, а сопротивление воздуха вдруг перестало быть чем-то, чего она почти не замечала. Мита осторожно повернула крыло и замерла, впервые настолько отчётливо почувствовав поток вдоль всей его поверхности.

Серые крылья Антара тоже изменились. Тени между перьями уплотнились, сами перья стали отчётливее, а по связи прошёл такой мощный импульс, что Эйнар сразу повернул голову в его сторону.

Новых крыльев не появилось. Не возникло и какого-то отдельного навыка. Просто всё, что уже принадлежало им как Стражам, стало значительно сильнее.

— Это Лут? — спросила Мита.

Эйнар прислушался к связи.

— Скорее всего.

Больше сказать он не успел. В глазах Антара вспыхнул яркий серый свет, на мгновение полностью скрыв изумрудные радужки. Его тело дёрнулось и тут же обмякло. Сила, удерживавшая Стражей в воздухе, исчезла, и Антар начал падать.

Мита рванулась к нему, но Эйнар успел перехватить её за плечо.

— Стой.

— Он падает!

Они опустили следом. Антар лежал неподвижно, крылья медленно складывались за спиной. Мита снова попыталась приблизиться, но Эйнар не дал ей коснуться его.

— Подожди.

— Чего именно?

Эйнар не ответил сразу. Через связь Антар ощущался нормально. Он был жив; никакой боли, разрушения или угрозы не чувствовалось. Сознания просто не было здесь.

Эйнар узнал это состояние.

— Наследие.

Мита нахмурилась.

— Что?

— Со мной было почти так же.

Она посмотрела на лежащего Антара.

— И сколько это продлится?

— Не знаю. Ждём.

Для Антара падения не существовало. Он открыл глаза уже стоя. Озеро, пещера и равнина исчезли. Вокруг тянулось огромное серое пространство без видимого горизонта, а в нескольких десятках шагов находился мужчина — высокий, спокойный, неподвижный.

Антар посмотрел на него, затем на собственные крылья. Незнакомец сделал то же самое.

— Раскрой их.

Антар нахмурился.

— Они уже раскрыты.

— Нет. Они висят у тебя за спиной.

— Очень содержательно.

— Подними левое.

Антар попробовал. Крыло дёрнулось целиком. Мужчина несколько секунд наблюдал за ним.

— Рукой тоже двигаешь только от плеча?

Антар сжал зубы.

— Я почти не пользовался крыльями.

— Вижу. Ещё раз. Медленно.

На этот раз Антар попытался почувствовать отдельные участки крыла. Получилось ненамного лучше.

— Ты управляешь ими как Тенью, — сказал мужчина. — Намерением.

— А чем мне ими управлять?

— Телом.

Антар посмотрел на него с раздражением, но спорить не стал.

Следующие часы ушли на то, что со стороны выглядело бы почти издевательством. Антар привык, что Тень откликается на мысль: почувствовал, направил, получил результат. Крылья так не работали. Здесь были мышцы, суставы, положение перьев, угол относительно потока воздуха, равновесие тела и множество мелких движений, которые невозможно заменить одним приказом.

Незнакомец заставлял его повторять одно и то же до тех пор, пока движение не переставало быть случайным. Поднять часть крыла. Изменить угол. Сложить несколько рядов перьев. Раскрыть. Удержать. Снова.

Когда Антар решил, что понял хотя бы основы, мужчина указал вперёд.

— Лети.

— Вот так сразу?

— Ты уже достаточно долго стоишь.

Антар расправил крылья и ударил ими слишком сильно. Его выбросило вверх, корпус сразу ушёл назад, второе крыло запоздало. Попытка компенсировать ошибку Тенью закончилась тем, что он окончательно потерял равновесие и через несколько секунд рухнул на серую поверхность.

Боль оказалась вполне настоящей. Антар медленно поднялся.

— Можно было предупредить.

— Я предупреждал всё это время.

Вторая попытка продлилась дольше. Третья закончилась переворотом в воздухе. На четвёртой Антар слишком рано сложил крыло в повороте. Пятая почти удалась, если не считать посадки лицом вперёд.

Мужчина ни разу не помог. Он только исправлял положение корпуса, ритм, работу перьев, момент набора высоты, торможение и то, как следует складывать крыло перед резким разворотом. Каждый раз, когда Антар пытался удержаться Тенью, тренировку останавливали.

— У меня есть сила. Почему я не должен её использовать?

— Потому что однажды её может не быть.

— Тогда мне могут и крылья оторвать.

— Могут. Поэтому учись пользоваться всем, пока оно у тебя есть.

Антар снова поднялся в воздух.

Через несколько дней он перестал считать падения, а потом перестал считать и сами дни. Постепенно крылья перестали ощущаться двумя чужими конечностями за спиной. Он больше не думал о каждом движении отдельно. Поворот корпуса сам тянул за собой нужное крыло, перья меняли угол, тело перестало искать землю там, где её не было.

Только тогда обучение изменилось.

После очередного приземления Антар увидел впереди три фигуры. Одна стояла неподвижно, вторая бежала к краю обрыва, третью уже затягивала Тень.

— Что теперь? — спросил он.

— Выбирай.

— Кого?

— Это твой вопрос.

Антар посмотрел на мужчину.

— А правильный ответ?

— Его может не быть.

— И чему это должно меня научить?

— Действовать, когда того, кому ты служишь, рядом нет. Страж не ждёт приказа, пока кто-то умирает. Не перекладывает решение на другого только потому, что боится ошибиться. И не превращает верность в оправдание собственного бездействия.

Антар замолчал.

— А если я выберу неправильно?

— Тогда это решение останется твоим.

Испытание началось. Антар успел спасти двоих. Третий погиб.

Мужчина ничего не сказал. Пространство изменилось, и всё началось снова, с другими условиями. Потом ещё раз. И ещё.

Информации почти всегда не хватало. Иногда одна из целей оказывалась ловушкой. Иногда попытка спасти всех приводила к смерти всех. Иногда вмешательство делало ситуацию хуже. Антар очень быстро возненавидел эти испытания значительно сильнее полётов, поэтому мужчина давал их снова и снова.

Постепенно Антар понял, что от него требуют не угадать единственно правильный ответ. Его учили принимать решения при недостатке информации и отвечать за последствия.

Спустя ещё несколько дней полёт и выбор начали соединяться. Теперь Антару приходилось принимать решения прямо в воздухе, уходя от ударов, удерживая несколько целей и следя за постоянно меняющейся обстановкой. Крылья перестали быть отдельной задачей. Он резко складывал одно, проваливался вниз, раскрывал его у самой поверхности и возвращался вверх, одновременно используя Тень уже не вместо физического движения, а вместе с ним.

После очередного испытания мужчина наконец поднял руку.

— Хватит.

Антар тяжело опустился на поверхность.

— Наконец-то.

— Для начала.

— Разумеется.

Некоторое время они молчали. Антар успел прожить рядом с ним достаточно долго, чтобы уже не воспринимать незнакомца просто частью этого места.

— Имя у тебя есть?

— Шадрес.

— Антар.

— Знаю.

Антар поморщился.

— И сколько я здесь?

Шадрес посмотрел куда-то мимо него.

— Столько, сколько смог принять.

— Нормальный ответ будет?

Серое пространство начало распадаться.

— Это и есть нормальный ответ.

— Ненавижу подобные формулировки.

— Привыкай.

Мир исчез.

Антар открыл глаза возле пещеры. Первым пришло ощущение усталости. Не обычной сонливости, а состояния человека, которого две недели подряд заставляли летать, падать, сражаться, думать, ошибаться и начинать сначала. Он несколько секунд смотрел в небо, затем медленно сел и провёл ладонью по растрёпанным волосам.

Мита оказалась рядом почти сразу.

— Как ты?

— Отвратительно.

Эйнар подошёл ближе и внимательно посмотрел на него.

— Сколько?

Антар поднял голову.

— Что?

— Сколько времени прошло для тебя?

Антар осмотрел озеро, пещеру, положение солнца и нахмурился.

— Около двух недель.

Мита уставилась на него, пытаясь сопоставить услышанное с тем, сколько времени прошло снаружи.

— Здесь прошло два часа.

Антар уставился на неё.

— Два?

— Ровно два, — подтвердил Эйнар.

Антар медленно посмотрел на собственные крылья. Стоило чуть изменить положение одного из них, и оно отозвалось сразу, без прежней задержки. Он чувствовал движение отдельных участков почти так же естественно, как движение пальцев.

Мита заметила это первой.

— Ты теперь умеешь летать?

— Теперь хотя бы понимаю, что делаю.

Эйнар присел рядом.

— Что происходило внутри?

— Меня учили.

— Кто?

— Шадрес.

Имя ничего Эйнару не сказало. Он лишь немного помолчал, сопоставляя услышанное с собственным опытом.

— Один из прежних?

— Похоже на то. — Антар вспомнил последние слова. — Он сказал, что я находился там столько, сколько смог принять.

Эйнар нахмурился.

— Значит, рассинхрон зависит не только от самого наследия.

Мита перевела взгляд с одного на другого.

— Тогда от чего?

— От того, насколько много ты способен усвоить, — ответил Антар. — Чем больше можешь принять, тем больше времени получаешь внутри.

Эйнар задумался, затем кивнул.

— Похоже на правду. Моё наследие работало иначе по времени, но сам разрыв между внешним и внутренним временем уже был. Здесь, видимо, оно подстроилось под тебя.

Антар медленно поднялся. Ноги ощущались нормально, хотя сознание всё ещё ожидало привычного серого пространства под ними.

— Две недели за два часа. Не уверен, что хочу знать, сколько будет в следующий раз.

В этот момент с горизонта донёсся низкий гул. Настолько слабый, что сначала его можно было принять за далёкий гром, но через несколько секунд он повторился — тяжёлый, ровный и ритмичный.

Все трое повернули головы. Эйнар первым вышел ближе к берегу. Мита последовала за ним, Антар подошёл последним, всё ещё привыкая к обычному миру после двух прожитых в наследии недель.

На горизонте появилась длинная тёмная линия. Сначала она почти сливалась с равниной, затем над ней начали проступать башни, стены и крыши. По мере приближения становилось ясно, что движется не отдельная конструкция, а огромная часть города вместе с улицами и зданиями.

Гул становился громче. Антар некоторое время молча смотрел вперёд.

— Пришли.

Луговой город двигался к озеру.

«Пока есть путь»

Чем ближе подходил Луговой, тем меньше он походил на обычный город и тем сильнее казалось, что по равнине движется отдельный кусок земли. Сначала над горизонтом показались верхушки башен и крыши, затем длинная линия внешних построек, а следом из-за пологого подъёма начало выходить основание. Луговой был широким, растянутым в стороны и заметно ниже крепости. Здесь никто не пытался тянуть стены к небу или создавать впечатление неприступности. Жилые районы, мастерские, склады, переходы и наблюдательные площадки теснились друг к другу, надстраивались поверх старых секций, соединялись новыми мостами и пристройками. По цвету камня и металла было видно, что город десятки раз ремонтировали разными материалами, иногда даже не стараясь скрыть следы прежних повреждений.

Гул постепенно усиливался. Под ногами появилась слабая вибрация, по совершенно спокойной поверхности озера побежала мелкая рябь. Мита посмотрела сначала на огромную массу впереди, потом на воду.

— Я ожидала, что он будет меньше.

— Я тоже, — признал Эйнар.

Антар ничего не ответил. Он уже изучал движение города и его окрестности. На передних площадках появились люди. Несколько небольших групп отделились от основной массы ещё до полной остановки и начали расходиться по равнине. Одни направились вдоль берега, другие ушли к возвышенностям, откуда можно было осмотреть подходы к озеру.

Город замедлялся постепенно, будто огромная масса заранее сбрасывала скорость. Низкий гул становился реже; теперь отдельные толчки можно было различить один от другого. Луговой остановился достаточно далеко от берега, оставив между озером и внешними секциями широкое свободное пространство.

Из нижней части города начали выдвигаться толстые тёмные магистрали. Несколько человек сопровождали их, направляя к воде, но основную работу делали механизмы. Трубы легли на землю, потянулись к берегу и одна за другой ушли концами под поверхность. Через несколько минут где-то внутри города заработали насосы. Звук оказался неожиданно глубоким. По трубам прошла дрожь, вода возле водозаборов закрутилась и начала уходить внутрь Лугового.

Мита проследила взглядом за одной из магистралей.

— Сколько им вообще нужно?

— Много, — ответил Антар. — Если следующий источник окажется недоступен, запас должен позволить пройти дальше.

— Или изменить маршрут, — добавил Эйнар.

Антар кивнул. Это было первое отличие Лугового от крепости, которое касалось не внешнего вида, а самого способа существования. Крепость готовилась встретить угрозу. Луговой готовился к тому, что следующий путь может исчезнуть.

Пока насосы заполняли внутренние резервуары, город не стоял без дела. Из внешних проходов выходили рабочие и разведчики. Одни проверяли береговую линию, другие осматривали землю под городом, третьи забирались под нижние секции и начинали ремонтировать то, что было невозможно обслуживать во время движения. Несколько открытых платформ опустились почти до самой земли и сразу начали выгружать с них пустые контейнеры, инструменты и оборудование.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.